

Инна Вольская

Катюша Никифорова

**Москва
2010 г.**

Аннотация

Главная цель повести «Катюша Никифорова» — понять, увидеть смысл и суть человеческой жизни вообще и современной, в частности. Средством достижения этой цели послужила судьба героини повести — официантки валютного ресторана, в дальнейшем ставшей коммерческим директором крупной компании.

Постепенно на фоне отдельных изображенных в повести событий и повседневных дел проступает главная задача всего общества и каждого отдельного человека, а также выявляется путь к реальному уничтожению или во всяком случае уменьшению человеческих страданий.

Книга читается легко, с неослабевающим интересом.

Содержание

Часть I. В валютном ресторане

Часть II. Трудная заповедь

Часть III. Обретение смысла жизни

©Вольская Инна Сергеевна

Часть первая

В валютном ресторане

1.

С деревьев слетают, медленно кружась, желтые листья. Понемногу, по несколько... А при каждом порыве легкого ветерка на миг возникает густой листопад и тут же стихает. Желто-зеленый, багряный, золотой убор усталых деревьев кажется таким непрочным, так быстро облетает, образуя на земле нарядный ковер. Как быстротечны, изменчивы зримые формы на любом этапе жизни. Едва успеешь взглядеться, а уже подул ветер, закружил листопад... Осень 1992 года.

Катюша Никифорова идет на работу. Ей двадцать лет, увядание пока не угрожает. На фоне пышной золотой осени она — словно юная весна. Официантка валютного ресторана.

Говорят, у модной, современно одетой девушки ноги начинаются прямо от шеи. Но смотря какие ноги! Бывают худые, кривые или слишком толстые. У Катюши в самый раз. Длинные, стройные, обтянутые импортными колготками. Растут стройные ноги не от шеи, конечно. Место, где они начинаются, едва прикрыто сзади и спереди узкой мини-юбочкой. Импортная куртка с иностранными надписями на рукавах. Модная стрижка с замысловато уложенной, длинной, до бровей челкой, темно-русые волосы. Личико простенькое, обыкновенное, без макияжа. Приятное исключение. Как только не изощряются современные обольстительницы, особенно в системе общепита, превратившейся в частный сектор. Под глазами синие тени, кроваво-красные, лиловые, коричневые губы, роковые черноволосые Кармен, белокурые подражательницы несчастной Мэрилин Монро и непотопляемой Мадонны с ее вульгарными ухватками...

Как быстро мы утратили аскетизм и коммунистическую «сознательность». По вечерам страшно выйти на улицу. Даже в театр многие перестали ходить: убьют, ограбят, не на улице, так в подъезде, в лифте, на лестничной площадке. Но горят призывно огоньки новых кафе, ресторанов, баров. Так хочется сбитому с толку обывателю забыться, вопреки тревоге ощутить вдруг свои возможности, молодость, силу.

На столиках меню с баснословными ценами. У глупенькой Кармен или Мэрилин с подносом — туго стянутая передником талия, грудь, как у кормящей матери, выпирает из прозрачной блузки, вызывая сложные переживания у небогатого клиента. Говорят, появились уже стриптизерши и

даже стриптизеры — безработные красавцы, накачавшие мускулы, продающие себя деловым дамам. Увы! Мы пока сумели позаимствовать у Запада не техническую оснащенность и высокую рентабельность производства, не относительную свободу, а лишь то отрицательное, что пока сопутствует их свободе. Развлечения для богатых при этом — выгодный бизнес.

По правде говоря, в более строгие времена были все же сталинские и бериевские дачи, куда возили красоток, напитки, были также и таинственные охотничьи домики со специальной обслугой для высшего партийного руководства. Теперь не совсем нравственные развлекательные заведения широко распахнули двери перед каждым, у кого деньги. Найди только способ эти деньги добыть. Свобода! Теперь молодость и красота — выгодный товар.

Катюша всего несколько лет в Москве. Случайность кинула ее в эту стихию. Но Катюша не даст себя задурить. Про нее говорят, что она строгих правил. Да нет, вовсе не в этом дело. Она обыкновенная, очень практичная девушка. Рохлей теперь быть страшно.

У метро в разношерстной толпе, в гуще всевозможных частных продавцов (чем теперь только не торгуют на улицах столицы) сидел за крохотным столиком светловолосый парень. К столику сбоку прикреплен плакат на длинной палке: «Покупаю золото, награды, серебро. Говорят, орден Ленина тянет на 25 тысяч, остальные награды много дешевле. Медали вроде «Ветеран труда» или «Победитель соцсоревнования», которыми их обладатели так гордились еще недавно, вообще ничего не стоят. Мусор.

Чуть поодаль крепкие красивые ребята, целая банда, о чем-то тихо совещались. Проходившую мимо Катюшу ощупали нагловатыми, одобрительными взглядами: «Первоклассный товар...». Она и не посмотрела на них, вошла в метро.

2.

Жизнь до приезда в Москву кажется ей теперь сплошным праздником. Зеленый областной город на Украине. Дружная семья — мама, папа, младший братик Вовка. Дома всегда вкусная еда, летом фрукты ведрами с дачного участка. А дискотеки! В школе дискотека была раз в две недели, но в их городке на каждом углу кафе, там тоже танцы, одно из них рядом со

школой в парке. А клуб «Олимпия»! Все в зеркалах.

Она шесть дней в неделю ходила на дискотеку. В зале темно, и разноцветные огни мечутся под громкую музыку. Музыка и огни... Танцы со светомузыкой. Модные танцы, рок-н-ролл, быстрые танцы и самая современная оглушительная музыка... Когда вечером потом уходили, пол был мокрый: надышали, как в бане.

Гулять ее пускали только до одиннадцати. Явилась как-то домой позже — наказали, не пустили на следующий день на дискотеку. Тогда она объявила голодовку, не обедала, не ужинала. Братишку подсылали с вкусной едой, но Катя не сдалась. Уступили родители.

Сколько друзей! В день по четырнадцать человек приходили, дверь не закрывалась. Мальчишки, бывало, сидят ждут, когда ее нет дома. “Женихи липовые”. Мама приходила из школы, где она была завучем. Увидит, что мальчишки ждут, поит их чаем на кухне.

С какого дня все переменялось? Как же, ясно с какого. Зима. Февраль. Звонок в дверь. Телеграмма. Умерла в Москве бабушка. А у них с дедушкой была договоренность: если кто умрет первым, другой берет к себе Катю — чтобы не остаться одному.

Собственно, это были приемные дедушка с бабушкой. Родная бабушка давно умерла, родной дедушка в далекой уральской деревне один растил маму до шестнадцати лет, потом ее забрали, якобы временно, московские родственники, незадолго до этого потерявшие сына. Это и были московские бабушка с дедушкой. Они маму удочерили, прописали, получили затем квартиру на троих двухкомнатную. Через год мама все же уехала на родину. Окончив школу, училась затем в пединституте соседнего городка, жила там в общежитии. Потом стала работать в школе, получила комнату в местной коммуналке. А отец ее, Катин родной дедушка, умер.

И произошла историческая встреча в уральском городке. Будущий Катин папа шел по улице и увидел вдруг на балконе “девушку своей мечты”. Ему показалось, что вокруг ее головы светится нимб, как у святой. Кто он был, Катин папа? Никто. Ни работать, ни учиться не мог; настолько больные сосуды, сердце, что ему и жениться запрещали. Но они поженились. Это была сумасшедшая любовь, мама работала в двух школах, чтобы его содержать, по ночам проверяла горы тетрадок. Все знали, что он умрет, все говорили; нельзя

рожать. Кате было три дня, когда его парализовало. Затем он умер — двадцати двух лет.

Если, детский сад... Кате было четыре года, когда появился второй папа. Он любил маму с детства, с восьмого класса. Второй папа стал военным, и втроем они уехали в Забайкалье. А потом обычная судьба военной семьи с частыми переездами. Так они попали на Украину в областной городок. Папа очень хороший, всюду Катю водил, дарил игрушки. Он с ней даже добрей, чем с родным сыном, ее братом Вовкой.

Мама — воспитатель по призванию. И Катя тоже хотела детей воспитывать. Думала: в пединститут на филологический. Обожает литературу, писала стихи. Плохие правда. Еще в школе занималась с преподавателем, прошли материал двух курсов филфака. На вступительном экзамене так разбирала слова, предложения — все обалдели. Кто мог знать, что у них там заранее все кандидатуры подобраны. Ей в сочинение вписали две запятые, где не надо. Не было этих запятых, она точно знает! Как докажешь? Потом на устном — “Разгром” Фадеева. Стала говорить насчет Морозко. Они прерывают: “Нет там никакого Морозко”. Как же нет Морозко в “Разгроме”? Нет, и все. А девчонку одну при ней в институт протаскивали. Видимо, чья-то дочка или заплатили. В общем, она отмеченная. Экзаменаторши прямо из кожи лезли: “Ты хотела сказать, что Наташа Ростова то-то и то-то?” Девчонка говорит: “Да”, — и все повторяет. И опять: «Ты хотела сказать?..” И девчонка повторяет.

Нет, с такими специалистами заниматься любимым делом?.. Пропала охота — и все. Трагедий она не устраивала. Не из такого теста. Никаких слез. Просто посмеялась и сказала: «Больше в институт поступать не буду».

Раньше в голову бы не пришло, что люди такие. Они, впрочем, разные, в каждом столько всего намешано. То одно то другое вылезает, усиливается, смотря по обстановке.

А в Москву она до этого ездила всего один раз. С мамой на десять дней. И на все десять дней бабушка и дедушка заранее купили билеты в театр. Такой предстала перед ней Москва. Сплошной праздник.

Получив телеграмму, на следующий день она летела в Москву. А потом три года ходила с дедушкой прописываться. Куча документов! До пенсии дедушка был военным строителем. Полковником. Сын погиб на стройке по вине администрации. Дедушка очень страдал. Катя как свой ребенок. Не так одиноко. Все было отражено в заявлениях: “Нуждается в постороннем уходе... нуждается в постоянном уходе...” Письмо Горбачеву, еще кому-то, еще... Или формальные отписки, или вовсе не отвечали. Умер дедушка за неделю до окончания ее временной прописки.

Она тогда уже работала. Секретарь-машинистка в мединституте. Пока дедушка сильно болел, даже брала работу домой, чтобы его не оставлять. Очень жалела дедушку. Едва он умер, стал ежедневно звонить начальник ЖЭКа с угрозами. В семь утра звонит, через час, в восемь — опять. Милиционеры приходили. Вооруженные: “В двадцать четыре часа ты должна выехать из Москвы”. Главного преступника нашли, как же. Через неделю в Москве как раз ввели визитные карточки. Даже хлеба не могла купить.

Мама ненадолго приезжала: школу не бросишь. Нашли хорошего адвоката. Он говорил: “У нас в стране все делают деньги”. И Катя осталась в Москве одна. Адвокат сказал: “Сидеть в квартире! Что бы ни говорили, не уходить!” То милиция, то начальник ЖЭКа звонят. Пугали. Квартира двухкомнатная, обставленная. Хрусталь в серванте, люстра хрустальная вечером сверкает. Ковры. Дача двухэтажная. Дедушка — строитель. Столько имущества на нее свалилось. А дома у родителей все-таки жилось лучше.

Потом вдруг незаконно дают ордер человеку, который в Москве лишь два года. Молодой парень. Жил в общежитии, женился, и вдруг — ордер на квартиру! Люди годами стоят в очереди. Когда явился, тоже сначала угрожал, потом, видя, что она не пугливая, заявил: “Я куплю тебя вместе с квартирой и мебелью”.

У Катюши была куча документов: дедушка подавал на приватизацию квартиры, хотел прописать, они три года вели общее хозяйство. А начальник ЖЭКа угрожал: “Мы все твои вещи вывезем, а потом их заменим. Ты ничего не докажешь. В списке шкаф, так мы его заберем, а дадим другой. И так все вещи. Ты у нас попляшешь!”

Одна в квартире, мама уехала... Думали ее запугать. Но она им

говорила: «Не имеете права. Если вскрыете квартиру... А я потом скажу, что у меня там лежал миллион, а вы его забрали!» По телефону говорила, но дверь не открывала. Адвокат велел: «Дверь никому не открывай!» Раз в ее отсутствие кто-то замок выломал, всю дверь изрезал... Но вещей не тронули, может испугнули. Нет, слабонервной тут не выдержать.

Потом был суд, этот парень заявил: «Мне дали ордер и не могу въехать!» В первый день допрашивали свидетелей. И вдруг появляется старуха соседка из дома. Всегда на скамеечке возле подъезда сидела. Когда мама присылала фрукты ведрами, Катя этой старухе груши давала. И другим соседям. Все они так интересовались ее делами. А тут вдруг эта старуха заявляет, что Катя вовсе дедушку не кормила, гуляла. И нигде, мол, не работает — купила справку о работе. Да многие бабушки, сидевшие возле дома, потом говорили: «Молодая, слишком легко все получает. Мы всю жизнь свои квартиры ждали». Доцент из института, правда, засвидетельствовал, что она все лето печатала дома на машинке, чтобы не оставлять дедушку. В общем, ее свидетели подтверждали, что она была с дедушкой до конца, помогала ему, работала, а свидетели парня все наоборот заявляли.

Мама так разволновалась, что не могла вообще ничего сказать. Это было удивительно, даже страшно. Мама так умеет хорошо поговорить со всяким человеком. Если кого из ребят ее школы судили (случалось и такое), она лучше адвоката выступала на суде. Вообще она всегда всего добьется. Говорит: «Я живу на дипломатии». Все умеет, может. Любое дело. На день рождения в прошлом году сделала пять горячих блюд, это не считая пирогов и закусок. Гости обалдели. И Катюшу научила всему. Обычно из школы мама приходила поздно. Катя сама себе шьет модные наряды. А тут даже мама растерялась на суде. Волновалась очень.

Мне не на кого надеяться, решила Катя, и когда ей дали слово, произнесла речь. Не вякала беспомощно, а все толком рассказала — и про то, как дедушке в исполкоме юрист говорил: «Вы не вечны, умрете завтра, а мы все заберем», — и про то, как дедушка, умирая, волновался, что она остается без прописки, и как она ему еще раньше писала письма: «Дорогой мой дедуленька!..» Судья, мужчина пожилой, чуть не заплакал. Душевный оказался.

И решили на основании каких-то там статей прописать на эту площадь Катюшу. Даже адвокат удивился, как она толково говорила и

спокойно. После суда мама его пригласила в гости. Пришли, накрыли стол, он говорит Кате: “Иди в адвокатуру. Убедила всех! У тебя способности”.

Еще на суде всплыло, что ордер этот парень получил в другом районе. Квартира в одном районе, а незаконный, без очереди ордер дали в другом, где он и не жил вовсе.

Это в мае было, а прописали только в октябре. Полгода еще они ее морили.

И другие уроки преподала Москва. Собственно, уроков не счесть, но есть главные. Раз по телевизору показали шикарную рекламу — училище при фабрике. Что-то швейное. И какая фабрика! Удивительные блага — и сауна, и цветы, и свой Дом отдыха, и прописка не требуется (тогда еще не было постоянной прописки). Катюша поехала подавать заявление, так ей там какая-то сотрудница специально пошла показать фабрику: «Вот смотрите, где будете работать. Что вы, никакой сауны! Это вовсе не тут рекламу снимали, а в другом месте». Специально чтобы заманивать дур. А зарплата у них совсем смешная. Зарубежные поездки тоже липа. Да идите вы!

Когда вначале после приезда временно прописали, послушалась деда, пошла работать в медицинский институт. Он все надеялся, что Катя будет учиться. Сидела за письменным столом и печатала. И что? Дед умер, предлагали: “Давай дачу — будет место в институте”. И кто предлагал? Профессор, у которого была секретарем. А потом: “Продавай дачу за десять тысяч моему другу, а мы тебе место в институте”. (Дача двухэтажная, ей цены нет.) Подруга семь лет поступала! Так мечтала стать врачом, столько готовилась. Очень способная. И не поступила. Да что говорить!

Посылали всюду относить служебные бумаги... Приносишь их другому профессору, ему за пятьдесят, а тут же пускает в ход руки, мразь старая. Первым делом норовит договориться о свидании.

После всего этого своевольная Катюша окончательно охладела к высшему образованию, а заодно и к современным “образованцам”. Слово «профессор» теперь вызывало у нее аллергию.

Тем временем, как орет в дискотеке магнитофон: «А жизнь подорожала, опять подорожала. Ах, лучше бы ты, мамочка, меня бы не рожала!..» Цены такие, что никакой жизни...

И вот она работает в новом, только что созданном ресторане.

Очень красивый ресторан-бар. В институте было грязно. Тут стены, все — под мрамор. Музыка. От огней как будто мечутся по залу цветные прожектора. Словно все еще продолжается школьная дискотека. Директор — симпатичный двадцатидвухлетний иностранец. Бармен высокого класса. Делает коктейли, жонглирует бутылками, танцует! И такие красивые коктейли! Фонарики зажигает. Человек на своем месте. И остальных учит. Любит чистоту, с утра ежедневно все они моют каждый уголок. Протирают бутылки, сворачивают салфетки...

За стойкой бара четверо. Колдуют с напитками. Виски ликеры, коктейли, соки... Все блестит, играет. Сзади в широкое окно подают из кухни пиццу, лобстеры, всевозможные прочие закуски. Публика тут солидная, в основном иностранцы. Или очень богатые соотечественники. Чашечка кофе — 3 доллара, по нынешнему курсу это — 900 рублей. Для иностранцев не дорого, а для наших... Не многие могут себе позволить.

Пианист играет, люди поют все хором. Часто включают магнитофон. В общем, постоянно музыка — то задумчивая, тихая, то оглушительный металлический рок. А по субботам и воскресеньям пианист еще приводит друзей — джаз, певцы. Каждый день маленький праздник.

У официанток форма строгая и шикарная: туфли черные на высоком каблуке, юбка черная, коротенькая, серебряный пояс, кофта воздушная из белого гипюра, серебряный пиджак. В этой форме Катюша очень мила. Юное личико без всякой вульгарной косметики. Высокая, стройная. Все умеет, любая хозяйственная работа в руках горит. На ней те же черные туфельки, та же белая кружевная пена блузки и роскошное серебро пиджака приобретают особо эффектный вид. Она пластична, хорошо танцует, чувствует ритм. Влюблен, кажется, директор бара, признается во всяком случае: «Катя, я тебя люблю. Катя, давай поженимся!»

«Зачем? У него другой мир, — объясняет она подруге. — Нам друг друга не понять».

Как-то был случай: в их бар в сопровождении шумных телевизионщиков и репортеров явилась мексиканская кинозвезда, современный кумир. Катюша раньше всех переделась и как раз вышла в зал. Подавала, наливала... Актрису показали по телевизору — официантку рядом. Потом ведущий сказал: «Богатые плачут? А у нас и бедные не горюют». И опять

показали Катюшу. Сколько времени звезду показывали, столько и ее.

Одна девчонка из их бара снимается в кино, говорит: «Пойдем вместе. Тебя там сразу возьмут». Да некогда сейчас. Еще в график не вошла, не привыкла. И что толку от случайных съемок в массовке.

Уходят очередные посетители, веселые иностранцы, забавно коверкающие русский язык, оставляют на столе чаевые — три доллара. Катюша, как тут принято, звонит, дергая трижды за веревочку большого колокола (по числу чаевых). Этот колокол, красный с красным бантом, висит на стене. “Что это?” — удивляются иностранцы. “Это мы вас благодарим”, — объясняет она с милым достоинством. Восхищенные дурни что-то между собой лопочут, кладут на стол еще 5 долларов, и трогательный колокольный звон сопровождает их до самого выхода.

У Катюши есть поклонник — метрдотель крупного московского ресторана. Случайно познакомились. Совсем одна в отдельной квартире. Как было не подружиться. Рослый парень, видный. Ездит на “Вольво”. “Друг с машиной”. Всему знает цену, никогда не будет в жизни прозябать, это чувствуется. Это он устроил Катю в бар. У него связи. По правде говоря, кроме денег и своих удовольствий он, в сущности, мало чем интересуется. Но Катюша этого пока не замечает. Зато с ним весело. На него даже оглядываются. Высокий, с темной бородкой.

Недавно в спорткомплексе была ночная дискотека. Друг — официант пригласил метрдотеля. Пошли вчетвером — официант со своей девушкой и метрдотель с Катей. У официанта был день рождения, домой не стал приглашать гостей (может, условия не позволяют), пригласил на дискотеку.

Говорят, СНГ расшифровывается как содружество нищих и голодных. Живем якобы на три “Д” — доедаем, донашиваем, доживаем. Кто как!

Бал до утра... Спать не хотелось, вопли рок-ансамблей прогоняли ночь. Метались огни светотехники.

Ой, напрасно, тетя,
Вы лекарство пьете!
Тра-та-та-та-та, Трам-та-та...

Каждый билет полторы тысячи. Шесть тысяч заплатил именинник. В мединституте у нее зарплата была шестьдесят рублей в месяц. А у профессора

— пятьсот.

Икра черная, красная, ананасы, клубника со сливками. Джин, виски, бренди... Звезды эстрады, копченая финская колбаса, красная рыба, севрюга. Всю ночь танцевали.

Неподалеку от бара модный отель. Финны строили. Тоже очень дорогой. Тут всегда много такси, да и прочих машин. Детишки моют машины, приобщаются к труду... Официантки, глядя в окно, говорят: «Это наводчики на тех, кто работает в ресторане. Выслеживают».

Когда-то за всеми следил НКВД, теперь грабители. Потому что теперь свобода.

Тут же стоят кучкой взрослые мальчики по семнадцать-двадцать лет, у них уже свои машины. Не работают, не учатся, ждут пассажиров. Иногда чем-то приторговывают. Вместе с ростом цен растут заработки, вместе с ростом заработков — цены. Не поймешь, что сначала, что потом. Говорят, что это углубление реформ. Вполне может быть. Но до каких пор они будут углубляться?

Сейчас такая жизнь — за деньги, считает Катюша, и все девочки официантки тоже так считают. Не такое время, чтобы думать о любимой работе. Здесь кормят бесплатно в соседнем ресторане, да еще на чеки дают хорошие продукты в валютном магазине. А платят десять тысяч рублей и триста долларов.

В сущности, почти сто тысяч рублей в месяц! Когда всюду борьба за кусок еды. Кусок теперь у всех разный — кто как сумеет.

«Может, свой бар потом открыть? — подумывает Катюша. — Чтобы музыка, вкусные кушанья, доходы. Теперь всюду не жизнь, а борьба за жизнь. Потом народить детей... Муж? Чтобы понимал, ценил, старался осчастливить. Еще поглядим».

Всегда были в ее душе два желания. Одно связано со школой. Хотя после экзамена в пединститут пропала охота. И второе... Второе — давняя голубая мечта. Быть актрисой. Но есть знакомые девчонки в театральном училище, и Катюша знает, через что они проходят, чтобы туда поступить, найти поддержку, — или деньги, или постель. Если нет заслуженных родителей.

Может быть, есть там и другие отношения? Но весь круг ее знаний, впечатлений сводится к этому. Пролезать, вываляв голубую мечту в грязи? Я не буду!

— решила Катюша. Вообще в институт уже поздно. Может, как некоторые девчонки из ресторана, пойти на курсы английского языка? Потом где-нибудь референтом. Тоже что-то зависимое. Да успеется! Посмотрим.

4.

Идет время, идет. Улетают дни октября, как последние листья.

Катюша сегодня работает в ночную смену. Как стрела, тонкая, на высоких каблуках. Серебряный пиджак искрится на свету. Со всеми посетителями сдержанно мила, предельно внимательна и недоступна.

Вечер. Столики черного мрамора под экзотическими пальмами. Тихая музыка в полутьме, в такт ей медленно плывут по залу огненные блики, тени. В углу есть уединенный столик, его заняли трое довольно молодых мужчин. Один — толстяк с фигурой чемпиона-тяжеловеса, другой — невысокий, бородатый, интеллигент по виду, а третий какой-то чокнутый, длинноволосый, рассеянный с улицы Бассейной. Катюша приходит принять заказ, подает меню в черной твердой обложке: “Что вы желаете?” Заказали коньяк “Луи Четырнадцатый” (1600 долларов бутылка, по 50 граммов — это по 60 долларов), закуски, горячее...

На столик из черного мрамора (без скатерти) она стелет перед каждым оранжевую прямоугольную салфетку. Слева — маленькая оранжевая салфеточка, на которой нож и вилка. Взяв нож и вилку, гость кладет затем салфеточку на колени. В стаканчике есть бумажные салфетки — семи цветов. Здесь все радует глаз, любая мелочь.

Через широкое окно за стойкой бара видно, как орудуют на кухне повара в белых пиджаках, клетчатых брюках в черно-белую клетку и в белых кожаных сабо с белыми пряжками.

Хорошо вполголоса беседовать, понемножку слегка пьянея. Вдруг, появляется ясность в мыслях и такая симпатия к многострадальному человечеству, а особенно к понимающим тебя друзьям!

Предприниматель, журналист и музыкант. Спонсор и его подопечные. Первый сам начинал как талантливый художник-любитель. Увлёкся коммерцией, между делом скупает картины, создает галерею. “Сегодня утром в полусне, — говорит журналист, — я размышлял о событиях. Что происходит? Крушение псевдосоциализма, точнее — маскирующегося под социализм сталинизма. Чего

ждать в будущем? Боюсь, мы долго будем барахтаться. Если десятилетиями запугивать, а потом дать вдруг свободу и лишит прежних идеалов, люди — как звери, выпущенные из клетки”. Худенький, смуглый, бородатый, глаза счастливые, несмотря на трагические слова. Творчески анализировать жизнь — радостно. С помощью спонсора издал книгу размышлений. Газеты охотно его печатают, зарубежный университет приглашает читать лекции.

В его книгах и лекциях — недавняя советская история.

Система, искусственная, изолированная от мира, могла существовать лишь в условиях растущего террора, едва он стал ослабевать, началось разложение. Пытались обновить, реанимировать... Все рухнуло. Но в какой-то степени уже есть в мире условия для отдельных элементов социализма. Эти элементы — социальная защищенность, коллективное владение предприятиями, отчасти государственное регулирование и ограничение частного накопления капиталов, общественный контроль.

Говорят о “социалистическом выборе” или о том, что социализм — утопия... Нельзя *построить* коммунизм и социализм. Это более высокий уровень сознания и отношений, наступающий при ином совсем уровне производства и человеческих возможностей. Точно так же нельзя было много веков назад построить современный цивилизованный капитализм у пещерных, первобытных людей.

— Пока есть боль и страдание, — доносятся до Катюши слова журналиста, — неизбежен в мире страх. И возможно, значит, ловко организованное насилие, чтобы использовать это наше физическое несовершенство. Нас может одолеть любая диктатура. Хотя бы на время. Охотники найдутся. Предстоит еще борьба за власть и все с этим связанное.

— Что же ты предлагаешь? — хладнокровно говорит спонсор, с интересом пробуя закуски — салат из огурцов и помидоров, креветки, лобстер... — А может, все образуется?

Раньше, еще будучи юным художником, он стремился выяснить, в чем смысл жизни. Потом решил: смысл жизни в самой жизни. Усвоив это, он женился, родил трех сыновей, с приходом демократии организовал процветающую фирму. Творческие друзья для него — интеллектуальный комфорт, он охотно финансирует их книги, концерты, выставки. Когда-то в армии занимался вольной борьбой, теперь немножко раздобыл, в круглом лице самодовольство, мощные

борцовские бицепсы заплыли жирком. У него железные нервы, он талантлив и толстокож. Художник-авангардист, возможно, изобразил бы штрихами его борцовскую фигуру, кулаки, жадную губу с какой-то деликатесной снедью и для контраста — пронизательный, живой, снисходительно-добродушный взгляд.

— Я ничего не предлагаю, — отзывается журналист. — Предлагать — значит дать ответ, как превратить все население земли в *подлинную* интеллигенцию — совестливую, духовно развитую, самоотверженную. На это нужны века, нужно будущее, полностью автоматизированное, невероятно продуктивное производство, которое нам пока еще трудно себе представить. На этой базе — иное сознание, отношения. В *результате* это и будет коммунизм. Это, а не сталинский подлый концлагерь.

Салат из креветок — в пиалах на ножках. На дне пиалы шампиньоны, листики салата, оливки. Все полито вкусным соусом, из которого торчат рыжие хвостики крупных креветок. Немного погодя появляется стейк — горячее жареное мясо. И снова коньяк — “Луи Четырнадцатый”. Катюша быстро, тихо обслуживает. Высокая, в серебряном лучистом пиджаке. Милая, приветливая и — сдержанно-недоступная.

Хорошо вполголоса беседовать, понемногу слегка пьянея.

— Мне кажется, — говорит журналист, — что менять общественный строй и одновременно создавать демократию там, где ее не было, бесполезно. Нет, сначала рыночная экономическая система в условиях твердого, но в меру гуманного управления, а затем — создание демократии на подготовленной для нее экономической базе. Акционирование предприятий, коллективное владение ими, распределение земли, создание ферм — это все нельзя пускать на стихию и решать путем голосования. Ведь что вышло — неуправляемость. И новый образ жизни — схватить, урвать, перепродать. И соответствующая психология. Сын в девятом классе, так у них неприличным считается курить не “Мальборо”, а скажем, “Лайку”. Мы забыли, что Белинский говорил: ничто так не развращает, как незаработанные доходы. Как это у них там поется? Вот, вспомнил: “Знаю только два слова — «Мальборо» и «клево».

— И раньше хотели урвать, — незлобиво замечает спонсор. — Только другими способами. Маскировались. Теперь все открыто, а при социализме...

— Наши руководители говорят, что приходится исправлять последствия социализма. Ничего подобного! — вскидывается журналист. — Социализма, то

есть первой стадии коммунизма, вовсе не было. Этим названием власть прикрывалась, чтобы голод на Украине, коллективизацию, репрессии оправдать высокой целью. Дискредитировали сам термин.

— Для тебя коммунизм — свет в конце туннеля, — улыбается спонсор. “Интеллектуальный комфорт” приятно разнообразит его жизнь.

— Безусловно, — подтверждает журналист. — Но далекий свет. К нему нас приведет материальное и духовное совершенствование жизни. Говорят: мы покончили с коммунизмом. Как можно покончить с тем, чего не было? — Он с радостью излагает мысли, так необходимо иметь достойного собеседника, — Коммунизм, или назовите его как угодно, — стратегическая цель на века.

— Вернее отдаленная перспектива. А на каждом этапе туннеля своя стратегическая цель — относительное духовное и материальное совершенствование в масштабах, доступных *данному* обществу, оптимальных *для данного* этапа. Сейчас цель неверно поставлена, это, в сущности, — “обогащайтесь!”.

— Так как же, по-твоему, ее сформулировать? — интересуется спонсор.

— По-моему так: духовное совершенствование каждого и по возможности создание наиболее благоприятных для этого условий. Для *этого*, а не для того, чтобы лучше жрать.

Кое-кто из сподвижников считает журналиста создателем нового учения, где цели, место их в истории человечества, средства, интересы — все взаимосвязано. Другие обвиняют его в несамостоятельности: учение — не новое слово, а синтез достижений человеческой мысли во все времена.

Но сейчас приятели думают каждый о своем и не особенно вникают.

— Не выйдет ли новый концлагерь? — осведомляется спонсор.

— Я же не в социализм предлагаю гнать, а к образованию, культурному и нравственному совершенствованию.

— А не нужен для этого новый отдел агитации и пропаганды?

— Неплохо бы, — говорит журналист, не обращая внимания на иронию. — Довести до каждого цель и методы кто-то должен, а правительству не до того. Конечно, не давить при этом всех инакомыслящих, они полезны, пусть высказываются. В общем, в какой-то мере нужно государственное регулирование во всем, иначе — хаос. Но сохранять и поощрять частную инициативу. Такое вот единство противоположностей — соотношение государственного и частного. Суть в том, чтобы правильно определить меру

соотношения. Пока просто балансируем. Ведь мы в промежуточном состоянии.

Ест он мало, но почти осушил свой коньяк. И, видимо, от разговора устал — слишком важные и болезненные проблемы.

— Государственная власть — неизбежное зло. Ее необходимость вызвана человеческим несовершенством. Значит, еще не пришел конец варварству. И в таких условиях опасно ослабить власть. Она для нас, хищных эгоистов, то же, что для дикого зверя клетка. И перестраивать затратную, нерентабельную экономику должна, увы, сильная власть, нельзя это доверять стихии, — настаивает журналист.

Часть вторая

Трудная заповедь

1.

В 1992 году я написала рассказ об официантке валютного ресторана Кате Никифоровой. Вспомнив о Катюше, я вспомнила и об официантке, послужившей для нее прототипом. Где-то был у меня ее домашний телефон... Интересно, что с ней стало с тех пор? Почти шесть лет прошло.

И я позвонила, а потом сочинила новый рассказ. Она мне сама посоветовала: “Напишите продолжение. Я вам расскажу, вы будете плакать и смеяться”.

В чем назначение литературы — всей, от древней евангельской притчи до современного романа?

В сущности, цель каждого автора (так мне, по крайней мере, кажется) — воплощать свое понимание основ человеческого поведения (заповедей) и способствующих (или препятствующих) их исполнению условий.

Чехов, конечно, прав: не надо прямолинейно втолковывать читателю, что “кража лошадей есть зло”. Чехов прав... Не надо нравоучений. Но в сущности... Между прозой и публицистикой происходит все большее сближение. Отчего бы и не упомянуть порой, как бьется мысль в стремлении выявить простую, ясную суть забавной, обыденной или трагической ситуации.

Есть заповедь в Нагорной проповеди Христа: “Не разводишься с женой (или мужем)”.

Когда-нибудь, при совсем ином уровне техники, экономики, нравов, каждый человек возвысится, его легче будет “возлюбить”. Сейчас пока еще трудно. Поэтому к великой заповеди неплохо бы сделать пока добавление, небольшую приписку. Что-нибудь в таком роде: “Научись понимать людей! Постарайся выбрать для себя на всю жизнь по возможности единственного (единственную)”. Короче говоря, будь осторожней. Не отдавай себя на растерзание недостойным. Взвешивай свои силы. Когда люди в массовом масштабе возвысятся, тогда легче выбрать. Пока еще зачастую не из чего выбирать.

Тогда, почти шесть лет назад, я слышала мимолетное упоминание о каком-то приятеле Катюши, метрдотеле. Расспрашивать не стала, для рассказа придумала пошловатого, благополучного ее поклонника. Ведь это был рассказ, а не следственный протокол, персонаж иногда возникает даже из нескольких прототипов. Сообщалось, что он ездит на иномарке и т.д. “Всему

знает цену, никогда не будет прозябать, это чувствуется”. “По правде, говоря, кроме денег и своих удовольствий он, в сущности, мало чем интересуется. Зато с ним весело. На него даже оглядываются. Высокий, с темной бородкой”.

Но в жизни, оказывается, было не так. А как? Я теперь поинтересовалась, как выглядел этот метрдотель, впоследствии ставший ее мужем. И она ответила коротко и беспощадно: “Маленький, невзрачный, кривоногий”.

2.

Еще в армии, до встречи с Катюшей, он влюбился в одну непутевую девчонку — от всей души! В ней было столько прелести для одинокого солдата. Дерзкая, бывалая. Может, слишком бывалая и отчаянная. Предупреждали его, что, живя вблизи от военной части, она давно уже “дочь полка” и, несмотря на юный возраст, покуролесила в жизни. Он к ней летел как на крыльях в дни увольнений, веселые были деньки.

Тесная комнатуха в общежитии. Неубранный стол с остатками еды, облезлый диван, разнокалиберные стулья. Иногда там шумела загулявшая компания, иногда он один являлся.

Темноволосая, черноглазая, с цветным платком на плечах. Она была выше его ростом. А он — белобрысый, небольшой, коренастый. Нос “картошкой”, глазки маленькие. Но зато, как и она, отчаянный, с безоглядной удалью во взоре. Ясности особой в голове не было, но удалая повадка была.

Кончился срок службы, а расстаться не было сил. Рассчитывать, взвешивать он не был способен. Увез ее в Москву, женился, прописал. Потом оформилась где-то уборщицей. Родилась дочка. Его друзья, ее друзья... Что-то слишком у нее много стало друзей. Звонят, приходят с выпивкой...

С его мамой она не поладила. Да он и сам не любил мать: ничего не понимает, один вздор на уме. Всю жизнь вкалывала и прозябала. Долго ютились в коммуналке, в сером деревянном бараке. Отец приходил пьяный, напустит лужу тут же на полу, потом свалится в нее... Или начинал драться... А вскоре куда-то вообще сбежал. Мать, вкалывая на ртутном производстве, ночью мыла еще на другом предприятии полы. И она, и сестра ее, и племянницы — все погрязли в мелкой, бытовой суете, копошились вокруг

скучных пустяков. Он не стал таким, как они! Сперва знаменитая футбольная команда, потом, после армии, училище официантов, шикарные рестораны. Это был его безотчетный протест против серого существования.

У жены была дерзкая хватка, размах. Если бы только не спилась. И его споила. Драки, пьяные скандалы. Мать ушла жить к сестре. А Валера — к приятелю. Жена подала на развод, на алименты — вот и вся любовь. И однажды, придя нетвердой походкой в свою прежнюю квартиру, он увидел новую железную дверь с замысловатыми замками. Соседи жаловались, что бывшая жена “устроила притон”, всю ночь там пьяные крики, топот. За жилплощадь судиться не пошел: возни много, так и не собрался. Бросил ей квартиру.

Катюша жила одна в двухкомнатной квартире. Сначала с бабушкой, потом, когда он умер, одна. Деньги на жизнь присылали пока родители с Украины.

Как-то приезжала оттуда на время подружка, гуляя по Москве, познакомилась и недолго встречалась с каким-то парнем. Потом уехала. Однажды этот парень позвонил. Узнав об отъезде своей случайной знакомой, спросил Катюшу:

“Кто ты такая?” — “А кто ты?”

Говорили, выясняли. Потом он снова иногда звонил. Целый месяц. Однажды в мае договорились пойти погулять.

Катюша вышла из метро — среднего роста, тоненькая, с белыми, как одуванчик, волосами (красила тогда, потом перестала), в синем длинном костюме. Девчонка модная, прелестная. Взгляд открытый, веселый, доброжелательный.

На условленном месте стоял огромный, крепкий, как лошадь, верзила, а за ним второй — маленький, плюгавый. Первый так себе, второй, Валера, совсем не понравился.

Ей было 19 лет, они оба на пять лет старше. Официанты крупного ресторана. Вместе гуляли на ВДНХ, потом — в кино. С тех пор иногда они звонили, являлись, ходили все вместе гулять. Никаких чувств не выказывали, никакой любви. Друзья. Целый год так длилось. Они могли вдруг явиться с букетом цветов или ящиком апельсинов. Их ресторанная жизнь оставалась где-то в стороне. Может быть, дружба с Катюшей вносила приятное разнообразие.

Актеры они были! Водила их в Музей Ленина, в Мавзолей, радовалась одуванчику, сорванному где-то на пути. Кто мог знать, что, проводив ее, они на следующей станции брали такси...

Вечером возле ресторана, шикарного, сияющего огнями, стояли девочки. Покупали девочек, иногда покупали на ночь целую сауну. Или в ресторане гульба, выпивки до умопомрачения. Главное — денег полны карманы. Чаевые...

Далеко за туманным горизонтом растаял деревянный серый барак его детства.

У него не было внутренней жизни, только внешняя. Ни собственных мыслей, ни возвышающих душу стремлений, лишь гонка за сиюминутными деньгами и удовольствиями, да постоянное стремление “расслабиться”, забыться и при этом — хотя бы смутно — чувствовать свою значимость.

Душещипательная музыка. Отплясывали современные дикие танцы. А когда влезали на сцену, доставали из карманов пачки денег, небрежно швыряли в танцующий зал десятитысячные бумажки. На коленях публика собирала! Э-эх! В озверевшем, пьяном сознании обрывки мыслей: “Хватайте, сволочи... Ничего не жалко, я такой! Ползайте!”

3.

Отец раньше был офицером, а закончил военную службу на Украине. Когда Катюша собралась в гости к родителям, пришел Валера с каким-то приятелем, попросил ключи: “Можно мы с другом тут поживем?”

Через пару недель она вернулась. Оба валялись на полу опухшие, еле живые. Кругом бутылки, остатки еды.

Она стояла перед ними — юная, стройная, в своей куртке с иностранными надписями на рукавах, в короткой юбчонке, лаковых туфельках. Темно-русская модная прическа с замысловато уложенными тонкими прядями на лбу. Лицо милое, простенькое выражало огорчение, озабоченность.

Наконец, она их растолкала: “Уходите! Вы что!”

Забрала ключи и опять уехала на Украину.

Родители днем на работе, брат Вовка в школе. В квартире ковры, вышитые салфеточки, на окнах растения в горшках. Катюша в старом ситцевом халатике возилась на кухне.

Звонок в дверь. На пороге стоял Валера. В белом шикарном пальто, ботинки сияют. С огромным букетом. Надо же! Нашел через адресный стол, остановился в гостинице. “Столичный лев”. А действительно, человек не простой! Футболист. Окончил после армии училище официантов, там два месяца теория, потом практика в лучших ресторанах: “Савой”, “Метрополь”! Занимал первое место на конкурсах официантов. Надо было бегать, держа в руках поднос, уставленный фужерами с напитками, и с этим подносом перепрыгивать через какое-то препятствие. Ребята рассказывали: много журналов иностранных, где его лицо.

Парень, видно, широкий, щедрый. Она тогда не знала, что из ресторана его уже уволили.

Назад поехали в поезде с кучей цветов. А в Москве пошли вскоре вместе устраиваться в новый ресторанный комплекс. Катюшу приняли официанткой в ресторан, Валеру метрдотелем в другой, соседний.

И по-прежнему Катюша дружила с ним и его друзьями. Явился в гости с каким-то новым другом. Пили чай, включили магнитофон. Как раз пришел и тот верзила, с которым уже давно Катюша была знакома. Преподнес букет. Увидел этих двоих, отозвал ее на кухню: “Люблю тебя!” В общем, как бы предложение.

Ответила: “Нет, не могу. Я тебя не люблю”.

Он ушел. Рассказала им, зачем приходил верзила, смотрели допоздна телевизор. А на другой день с утра — Валера: “Пришел сказать несколько слов”.

Предложение! “Нет, не могу. Не люблю”. Он побледнел и сказал замечательные слова: “Ты поступила правильно! Лучше один раз сделать больно, чем всю жизнь мучиться”. И ушел.

У нее был жених в армии, еще в школе вместе учились. Вроде как бы жених. Взяла его письмо и, глядя на фотографию, увидела: “Не люблю!” И она заплакала. Стало обидно, что Валера ушел. Видимо, навсегда.

И тут вскоре подъехала машина. Валера! С огромным букетом цветов! Катюша стояла у окна. В эти пять минут она его полюбила.

“Ты думала, что так от меня избавилась? Нет, я так не уйду!”

Сразу пошли звонить ее родителям на Украину. Не хотела ЗАГСа: там чужая, равнодушная тетка говорит одни и те же слова. А может, еще и смутное недоверие к жениху. Она все же по гороскопу “дева”, это самый придирчивый знак, дальновидный, предусмотрительный.

Когда ей было 16 лет и она жила на Украине с родителями, вдруг пришла телеграмма из Москвы: умерла бабушка. Дедушка остался один, и Катюшу к нему отправили. А после его смерти были хождения по инстанциям, суд. Нелегко досталась эта квартира. И дедушкину дачу она получила.

Уговорила родителей, разрешили не регистрировать брак, хотя маму немного смущало отступление от общепринятого. Катюша ей сказала: “В наше время нельзя расписываться”. Просто сделали свадьбу, заказали ресторан, в час ночи вышли из ресторана, а в шесть утра полетели в Сочи в свадебное путешествие.

Он на свадьбе не пил. Прежде крепко выпивал, но за месяц до свадьбы вылезился.

Работали в соседних ресторанах. Покупали дорогие вещи, осыпал подарками. Ходили на футбольные матчи, на концерты, в театры.

Когда в первый раз он, придя с работы весь взъерошенный, в грязи, свалился на пол, что-то бормотал, вскрикивал и заснул тут же на полу, первый порыв был — гнать! Но, отоспавшись, он ничего не помнил.

Пьяница — человек больной, вроде инвалида. Когда-то в детстве, водя ее за ручку, мама говорила, если встречался инвалид: “Не смотри, что деревянная нога, смотри в глаза, в душу”. Воспитывать мама умела.

Надо спасать!

Вызвала нарколога, заставила кодироваться. Пришлось три дня возле больного дежурить: перед кодированием нельзя пить. Три дня без разрешения не выходила на работу, хотя там порядки строгие. При поступлении официантка даже подписывает контракт: обязуется не быть беременной. (Это чтобы не платить ей потом пособие по беременности.) Хозяин — экономный человек. А когда явилась, он вызвал провинившуюся в офис. У него там письменный стол, кресло, широкий диван, телевизор.

Как стрела тонкая, на высоких каблуках, серебряный пиджак искрится

на свету, ножки стройные, сам Пушкин бы одобрил. Великий Пушкин, утверждавший, что трудно встретить “две пары стройных женских ног”! Впрочем, хозяин в такие детали не вникал. Оглядел небрежно и, заперев дверь, велел: “раздевайся!” Он был слегка навеселе. В офис из ресторанного зала доносились обрывки вкрадчивой, завлекательной музыки: давали “Эротик-шоу”.

“С какой стати?” — насмешливо спросила Катюша, брезгливо отодвинувшись.

Его красная физиономия лоснилась. От него пахло алкоголем и какой-то едой.

“Уволю!” (Знал ведь, что нелегко теперь где-нибудь устроиться!)

Он хотел приблизиться, обнять... Вдруг в дверь постучали: Катюша об этом заранее попросила девчонок. Сорвали хозяину “мероприятие”.

* * *

В Писании сказано: “Не прелюбодействуй”. Так что же, всех загнать в монастырь? Нет, но скромность, хороший вкус и разумная воспитанность людям бы не помешали.

На звериные инстинкты сейчас действует все: рестораны, телевидение, литература, эстрада. Словно нарочно. Почему все устроено так, чтобы нарушали заповеди? Не знают их? Не хотят знать?

* * *

“Теперь покоя тебе не даст”, — предупредили девчонки. Но события развивались гораздо быстрее. В тот же вечер хозяин велел подавать заявление. Человек незлобивый, веселый, он бы просто заставил отработать пропущенные дни.

Все бы забыл, но не тот ее брезгливый, насмешливый взгляд, словно перед ней низшее существо. И она ушла с работы. Решительно! Сразу!

4.

С хозяином решительно поступила, с человеком несчастным так не

могла. Он опять был тихий, ласковый, безоглядно щедрый. Получал много денег в своем ресторане, осыпал подарками.

А потом родилась девочка, Ленка, беленькая, личиком похожая на Катюшу.

И еще не раз он как с цепи срывался, забирал деньги, уходил. Через неделю тут как тут: “Спаси!” И опять она его кодировала, когда кончалось действие лекарств. Раздражительный стал, бесцеремонный до неузнаваемости, совсем ослабели тормоза.

Хотела создать ему новую жизнь. Делала ужин, красиво накрывала стол, зажигала свечи. “Ужин при свечах”.

О, она многое умеет: сшить модный наряд, соорудить прическу не хуже, чем в “салоне красоты”, изящно сервировать стол. Разве он мог ценить! Спасибо ни разу не сказал.

Ремонт сама делала. Подвесные потолки... Не помогал даже в свободные дни: “Я должен отдыхать!”

Ее вечные хозяйственные хлопоты действовали ему на нервы. Она вечно занята украшением быта. Была нормальная мебель, заставила купить новую, модную. Бросишь не там одежду, она тут как тут. Всю жизнь ходи по струночке. Как пчелка трудолюбивая, жужжит и жужжит. Дышать не дает. Квартира чистая — ремонт затеяла, чтобы в свои выходные вкалывал. Сделаешь ремонт, начнется замена техники на импортную — смесители, “елочки”. Потом еще что-нибудь. Устал, надоело. Все чаще охватывало глухое раздражение. Выпьешь — и душе привольно. Смелым, сильным становишься, и тревоги смолкают, и нет вопросов, одно только беззаботное веселье.

Как она себя тратила! Одно время каждый день ездила за ним на работу в 12 ночи, чтобы не напился: у него в ресторане вино всегда под рукой.

Все делала, больше нет сил!

Иногда ездила за его первой дочкой, в судьбе которой он участия не принимал. Привозила грязную, в грязной одежде и немало потрудилась: вымыла, нарядила, обогрела. “Катя, я так тебя люблю, будь моей мамой”, — радовалась восьмилетняя его дочка. Съездив вместе с ними в Крым, она потом цветными карандашами нарисовала картинку: синее море, три фигурки на берегу и подписи: “Катя очень красивая, добрая”. “Леночка очень милая”. “А папа злой”.

Раз в Ялте катались с ним вдвоем на катамаране — вроде водный

велосипед. Заехали на большую глубину. Нечаянно встретив его взгляд, Катюша с уверенностью вдруг почувствовала: он может убить. Утопил бы просто так, в диком порыве, сам не зная зачем. Он вдруг кинулся в воду, подальше от Катюши, поплыл в сторону, как от дьявольского наваждения. Спортсмен, хорошо плавает! Еле добралась. А потом, когда уже сидели в комнате, которую снимали, вдруг умчался и притащил огромный мешок, полный подарков, кучу денег разбазарил вмиг. Страшный он со своими дикими порывами — без “царя в голове”, без духовных ориентиров.

И заброшенная его мама потянулась к новой снохе: “Только чтоб рядом с вами”. Старушка маленькая, словно пришибленная. Валерку родила в 38 лет от алкоголика. За свою квартиру 32 года отработала на вредном ртутном производстве и на старости лет — потеряла: сынок удружил.

Но он маму не слишком жаловал. Он от нее шарахался, общения избегал. Избаловался в детстве. Не знал наказаний, творил что хотел.

И несамостоятельный — куда дует ветер, туда и он.

Уходил в детстве гулять. “Через сколько придешь?” — спрашивала мать, если была дома. — “Через час”. Он и сам не знал, что будет с ним через час.

Носился по улицам, приводил ребят, съедали все котлеты, приготовленные на несколько дней. К приходу матери с работы ничего не оставалось.

Тихая, маленькая, она теперь ложилась возле Катюши в кровать, съезживалась за ее спиной, словно пряталась от непонятной жизни.

Потом вдруг оказалось, что у старушки рак. Она умерла в больнице.

А у сынка бешеный запой. Может, маму впервые пожалел? Пора было кодироваться — отказался, и с работы прогнали; прибился к собутыльнику тут же на первом этаже, приходил пьяный, морда в синяках (дружки-собутыльники разукрасили), требовал у Катюши денег. Последние забрал. Возражала, плакала, так он ей руки стал выворачивать, ударил по лицу. (Не впервые! Из года в год бил по лицу пьяный).

Сначала когда-то просто выпивал, чтобы не отстать от других подростков, даже перещеголять: “Вот я какой!”

Это зелье! Сколько судеб искалечило. Сколько радости подчас приносит мятущейся душе. Как вкрадчиво проникает во все клеточки, захватывая плацдарм за плацдармом, сея безумие в воспаленном мозгу.

Он был специалист классный, мог сразу по запаху, цвету, вкусу определить, какое перед ним вино. Катюша знала: он талантливый, но что толку.

Недолгой была любовь! Словно в кабале незаметно оказалась. Все деньги были у него, он ей ничего не давал, за покупками шли вместе в его свободные дни. Сколько у него денег, никогда не знала. В продовольственном магазине брала тачку, нагружала. Кассирша посчитает, он платил. Барин, меценат.

И за вещами ездили вместе. А когда ходила с Леночкой гулять, не на что было купить мороженого, соку. Ни рубля. Зашла раз в универмаг без него, и понравились очень сапожки. Пришлось просить: “Дай мне 100 тысяч на сапоги”.

И в ответ: “Я денег не кую!” А через пару дней притащил вдруг сапоги нелепо роскошные, с блестящим орнаментом, неудобные. Заплатил миллион! “На, я денег не жалею!”

Выразила неодобрение: “Те были в 10 раз дешевле и в 10 раз лучше!” Он швырнул подарок на пол, ушел, хлопнув дверью. Чтобы чувствовать свое превосходство, значимость?

Катюша уже снова ждала ребенка. Самочувствие ужасное, тошнит, по временам очень кружится голова.

Ленка с двух лет ходит в садик. Берут с трех, и сначала заведующая принять отказалась, но Катюша попросила: “Вы на нее посмотрите!” — И на следующий день привела.

Ленка пухленькая, в нарядном платьице, с длинными белыми волосиками, сказала отчетливо и уверенно: “Здравствуйте, меня зовут Лена”.— “А ты умеешь... в горшок? — “Нет, это для малышей. Я ... в унитаэ”.

Это было самое короткое собеседование, заведующая была покорена Ленкиным интеллектуальным развитием и спокойной уверенностью.

Катюша ею много занимается — учит жить. Иначе выйдет дикарь, как папа.

Но теперь садик платный, нечем платить! Надо же, последние деньги забрал!

Была тысяча долларов на книжке, когда работала в валютном ресторане. Знакомый парень — торговал рядом с ее домом в палатке, мимо целый год

ходила, здоровалась — сказал, что срочно нужна тысяча долларов: рэкетеры хотят его убить. (Он понятия не имел о ее тысяче, просто совпадение!) Написал расписку, обещал скоро отдать.

Почти четыре года прошло. Говорит: “Нет денег”. Может, он вообще врал про рэкетиров? Но если бы его убили, а у нее эти деньги остались?

Парень жил в соседнем доме, Катюша знала его маму и на днях в отчаянии к ней пошла. Пусть отдадут, хотя бы частями. Его мама сказала: “Надо было не давать. Нет у нас денег”. — “Я отдала, чтобы его не убили!”

У родителей на Украине дела плохи. Закрывают 5 заводов, и отец, начальник цеха, без работы. У мамы в школе теперь все преподавание на украинском, вряд ли она сможет. Брат должен теперь учиться в институте на украинском. Приехать они не могут, здесь их не пропишут. Сколько мучений кругом!

А особенно от внутрисемейных отношений... Одна знакомая в 23 года осталась с двухлетним ребенком в общежитии, муж, рабочий на стройке, упал на гравий с какого-то этажа. В общежитии прошел слух, что ей должны дать квартиру. Парень (приезжий из деревни, тоже строитель) стал ухаживать, женился, получили квартиру. Тогда он стал издеваться. 10 лет это тянулось. (Он по гороскопу “змея”, она “кролик”.) Он тяжело болел, она выходила, и он опять стал издеваться. Обычная современная история.

“И лучше будь один, чем вместе с кем попало”, — еще в начале второго тысячелетия советовал Омар Хайям, персидский поэт.

За окном тревожная тьма, дождь. Зачем жизнь! В наказание нам дается?

5.

Середина октября. Вечером накануне все вокруг казалось темно-серым, уныло-мрачным... Природа замечательный художник. Смешает краски и опять — новая картина, совсем неожиданная.

Дождя как не бывало. Вся земля усеяна желтыми листьями, сплошной золотой ковер с зеленым узором, роскошный, яркий. И деревья тоже в золоте. Декорации сменились. Чуть колышутся ветки от легкого ветерка. И не осыпаются больше листочки; вчера перед ливнем ворохами слетали с деревьев, кружась на ветру. Кажется, все наиболее слабые, все

непрочно державшиеся на своих ветвях уже слетели, попадали. Легли под ноги прохожих, образовав этот роскошный ковер. А самые стойкие, уверенные в себе, прочно сидящие на своих местах — остались наверху. Не страшна им (пока!) резкая смена погоды.

Кто бы мог подумать, что все девчонки останутся в этом нарядном ресторане, а она, самая уверенная, благополучная, слетит, как осиновый листок под ноги невзрачному прохожему.

Недавно был обморок на улице. Упало давление, закружилась голова, еле успела сесть на случайно подвернувшуюся скамейку. “Скорая” отвезла домой, сделали укол,

Ни здоровья, ни денег... Одна.

Она вдруг подбежала к письменному столу, зажгла настольную лампу, хотя было еще светло. Стихотворение выплеснулось мгновенно.

Когда-то в школе она обожала литературу, писала стихи. Правда, плохие. Беззаботная, счастливая! А теперь на пределе отчаяния.

Профессионал бы стал придирается. “Где образы? Где умело подобранные, неожиданные рифмы?” Но была в торопливых строчках доверчивая искренность. И такая боль, о какой подчас может лишь мечтать опытный рифмоплет.

Ложилась в больницу для алкоголиков, чтобы его там не оставлять одного...

Эта страшная, грязная больница! Все для него сделала, больше нет сил.

Если пьяный бьет по лицу (а вы притом от него зависите, живете полностью на его счет), разве это забудется? Дадут человеку пощечину, он все пощечины вспоминает. И если вытаскивает в одних трусиках на балкон в феврале: “Мерзни, сволочь!” — разве забудется? Он потом не верил, что это было.

Даже когда в театр собирались, начинался крик. На каждом шагу! Он все быстро забывал, а она плакала.

За четыре года одичала, роста личности не было!

И вдруг с небывалой ясностью она поняла: пьяный или трезвый, но если он способен издеваться над беззащитным, — он еще не вполне человек.

Он еще наполовину животное. Помочь, пожалеть его надо. Замуж— нельзя.

Пьяный, безумный, несколько раз вчера вечером толкался в дверь. Орал, угрожал. Не открыла.

Футболист знаменитой сборной, солдат... Сломился. Но она сломиться не имеет права!

Денег на жизнь придется пока занять. Надо срочно, из последних сил искать работу. Сейчас многие ищут...

Аборт еще не поздно! Скорей! Прости меня, мой бедный, не родившийся ребеночек. (Она уже так любила это беззащитное существо.) я тебя убиваю. Мы никогда не увидимся. Прости, прости! Что мне делать!

6.

Знакомая официантка помогла временно устроиться в ночной клуб “Версаль”. Требовалось заменить уехавшего в отпуск бармена.

В центре зала круглая стойка бара, вокруг нее на высоких кожаных стульях — жаждащие. Катюша им наливает вино, делает коктейли, приносит из кухни закуски.

На Катюше черный пиджак, черная юбка, черные туфли, белая рубашка с черной бабочкой. Русые волосы почти до плеч, длинные тонкие пряди челочки на лбу.

В зале темно, освещены лишь сцена и танцплощадка вокруг бара. Вдоль стен — диваны, длинные, велюровые, к ним приставлены мраморные столики с крутящимися вокруг оси маленькими креслами. А на столиках свечки, фонарики, своей подсветкой создают интимный, таинственный полумрак. И на стойке бара своя подсветка...

“И каждый вечер в час назначенный, иль это только снится мне...”

Ночной клуб открыт с 10 вечера до 5 утра. Тут “новые русские” в основном двух категорий: упитанные бизнесмены и 16-17-летние дети богатых родителей, “мальчишки-мажоры”, как поет группа “ДДТ”:

Раскройте рты,
Сорвите уборы,
По улице чешут

Мальчики-мажоры.

А как там вначале?

Сатира сплошная...

Я чествую вас,

Сыновья демократов,

(и кого-то еще, кажется, “богатых отцов”),

Ожиревших актрис,

Журналистов, магнатов,

Многотомных поэтов

И суперпевцов.

Пьяные сынки богатых отцов, шатаясь, плетутся в женский туалет, где у стены сбоку высокая кафельная ступенька почти на уровне груди. Рассыпают на этой ступеньке наркотик (обычно кокаин), разравнивают его золотыми кредитными карточками. Потом скручивают из долларов трубочки, нюхают.

Ведь так все легко сыновьям

и просто: Папаша добьется

служебного роста...

Уже идет наркотизация нового поколения. Совсем юных. Даже в школьном туалете можно купить наркотик. Колютя или нюхают где-нибудь в подъездах, в подвалах. Подросток вначале не решается, дружки подбивают: “Женек (Леша, Серега, Валера) давай! Это так классно!”

* * *

Поглядели бы революционные романтики или романтики первых пятилеток. Есть про них у Ярослава Смелякова:

Девушки в лицованных жакетках,
Юноши с лопатами в руках —
На площадках первой пятилетки
Мы и не слышали о балах.

Или вот еще:

В отрешенных его глазах,
Не сулящих врагу пощады,
Вьется крошечный красный флаг,
Рвутся маленькие снаряды.
И прямой комиссарский рот,
Отформованный из железа...

Увы, идеализировать никого не стоит. При всем героизме романтиков, тон задавали тогда поборники жестоких насильственных мер, обычно приводящих к результатам, далеким от первоначальной цели.

Сколько проб и ошибок за века! Страшных, отчаянных проб. Диких, вначале непонятных ошибок. И удивительные достижения. И в море хаоса и жестокости островки доброты...

Поверх догм и обрядов есть “Божьи заповеди”, основы поведения и отношений, но овладеть массовым сознанием им, видимо, предстоит нескоро — в ходе новых проб и ошибок.

Интервал между двумя ресторанами 4 года. В первом брали 2 доллара за чай, и казалось это страшно дорого. Здешние посетители отваливают огромные деньги, а ведут себя...

“Откуда у них столько денег?” — спросила Катюша у знакомой официантки. Официантка, некрасивая и не первой молодости, но, видно, бывалая, ответила, понизив голос: “Я думаю, эти люди перешли закон, кого-то ограбили, убили. Другие спекулировали или что-то присвоили... А потом уже вкладывали деньги и получали прибыль. Кто как”.

Катюша слушала, затаив дыхание. Слухи, слухи... Поди проверь.

Между прочим, про одного соседа старухи возле дома рассказывали... Когда началась приватизация, он покупал у алкашей однокомнатные квартиры за 5 миллионов, продавал и зарабатывал 100 миллионов. Одного просто переселил в деревню, другим покупал за 20 миллионов комнаты в коммуналках. А потом в отделении милиции (наверное, за взятку) ему дали список алкашей всего района. Сделал большие деньги, ходит теперь по ночным клубам.

Сообщают иногда по телевизору, что вместо уплаты государству налогов крупные предприятия якобы тратят деньги на роскошные особняки для своего руководства, что огромные деньги, направляемые из центра, подчас уходят в чьи-то глубокие карманы или за рубеж.

* * *

Распоясались потому, наверное, что нет прежнего страха перед государством, а внутренних тормозов, духовных ориентиров не хватает. “Царство Божье внутри нас”. В руках у Сталина была железная палка. Но палка (или ее отсутствие) меняет поведение людей лишь внешне, “Царства Божьего” в их душах не создает.

И люди защищаются друг от друга как могут, в разные времена по-разному.

* * *

“Вместо прежних рэкетиров теперь у каждого магазина, ресторана есть

“крыша”, — продолжала объяснять официантка. — Это бывшие спортсмены, бандиты, целая группировка, организация. Если нас обидят, наша “крыша” едет к той “крыше” разбираться, ведь мы своей “крыше” платим. Они тоже проводят время в ночном клубе, но все на своих ногах: пьют не так много, ребята крепкие...”

Словно увлекательный детектив рисовала официантка. Но при этом казалось: наверное, где-то есть неведомые, удивительные незнакомцы, захватившие иных масштабов капиталы, блага. Кто они? Каковы их судьбы? Хорошо им? А может быть трудно, страшно?

Публика в зале такая разная! “Расслабиться!” И еще “выпендрей”: ночные клубы — это теперь модно. А подчас приходят какие-то мужчины с огромными животами, лезут на танцплощадку — скачут или топчутся. Или руки вверх поднимают и неуклюже прыгают.

Вчера тут девушка очень пьяная уснула на высоком стуле возле бара и свалилась на танцплощадку. Два охранника моментально вынесли ее из зала.

Нравы здесь веселые. Клиент может прийти с женой, а в следующий раз с ним три любовницы. В ночном клубе есть специальный контингент — проститутки. Едут на ночь за 300-400 долларов девочки по 17 лет.

Катюше недавно пришлось наблюдать кульминацию свинства. Какой-то пьяный обжора, уходя, отрыгнул пищу прямо на мраморный столик (может, нарочно?) и, ничуть не смущаясь, швырнул подбежавшему официанту большую пачку долларов.

На ярко освещенной сцене выступают ансамбли, солисты. Предприимчивый крепыш с тощей косичкой, спев песни, торопится в другой ресторан, потом в следующий. За ночь всюду споет свои две песни.

Гвоздь программы — стриптиз. Как мы быстро догнали Запад!

Под громкую музыку танцуют девушки и, танцуя, медленно раздеваются. Когда начали снимать лифчики, подбежал упитанный дядька и, возможно, вообразив спяну, что приглашают всех участвовать, тоже стал, неуклюже приплясывая, раздеваться. Снял пиджак, рубашку, расстегнул брюки... Наконец снял трусы и повернулся лицом к публике. Со стороны столиков донесся рев, пороссячий визг, топот, возгласы: “Давай! Давай!” Выскочили еще несколько мужиков и стали что-то дикое отплясывать. А музыка грохотала, и девушки, полуголые, изящно-неприличными

движениями воодушевляли обезумевшую толпу.

“Ломка системы всегда сопровождается ломкой сознания, — стал объяснять Катюше лысый очкарик, принимая у нее коктейль. Он даже пустился было в исторический экскурс: — Сначала варвары. Потом они превратились в меценатов — Третьяковых и Морозовых...”

Но Катюша промолчала: еще привяжется. Многие так. Сначала умничают, потом норовят затащить в постель. Болтовня это все. Ни к чему.

Среди всей ресторанной суеты (прежней, 4 года назад и нынешней) так и не встретился настоящий избранник. Не нашла свою “половинку”. Может, и не особенно искала... Не дождалась. Как почти все.

Хоть родители пока работают в своем “ближнем зарубежье”. Уже легче.

А ее мучитель совсем плох. Отекли руки, ноги не сгибаются. Что-то якобы с почками.

Позвонила его родственнице, чтобы взяла доверенность на обмен его квартиры, где он прописан. Там его первая жена якобы устроила “притон”. Мать, когда была жива, мечтала отсудить хоть комнатку в коммуналке. Но родственница ответила: “Я думаю, он обречен. Подождем, пока он умрет”.

7.

Подходит конец октября. Летит снежная пыль и тут же тает, едва достигнув земли. Холодно, мокро, уныло. Но все же красиво, “очей очарованье”. Часть деревьев уже совсем без листьев, голые ветви колышутся на ветру. Листья на некоторых пожелтевшие, сухие. А кое-где — зеленые, веселые. Конец одинаковый, но сроки разные.

Катюша красивая, нарядная. Шикарное короткое пальто из белой кожи, прическа, сделанная в “салоне красоты”: волосы длинные, ниже плеч, темно-русые, гладко зачесанные, а внизу — кольцами, как на телевизионной рекламе иностранных шампуней.

Словно не было этих тяжелых лет. Она верит: после всех страданий будет в жизни светлая полоса.

У нее уже новая работа — валютный магазин в трехэтажном особняке. После страшного свинства ночного клуба, после тягостных лет с опустившимся, безнадежным алкоголиком — этот магазин, роскошный и

строго изысканный кажется волшебным дворцом. Словно в детской далекой сказке. Зеркала наклонены под потолком, отражают свет фонарей. Легкий шум воды... С 3-го этажа на 1-й льется фонтан, целый водопад стекает по стене в бассейн. И звучит. Звучит, проникая в душу, классическая тихая музыка, от которой душа жаждет красоты, жертвенной чистоты, сказки... Неужели будут и здесь неприятные открытия, разочарования? Ничего!

На каждом этаже застекленные отделы, “бутики”, словно маленькие магазинчики. Она приходит за полчаса до открытия, успев проводить Ленку в детский сад, отпирает свою дверь, над которой сияют, играют на свету золотые кисти.

В зале бутика у стены стеклянная витрина с манекенами. Там стоит сбоку бронзовый, темный мужчина в костюме из кожи змеи — питона. 90 миллионов костюмчик. Рядом в кожаном кресле в изящной позе дама. На ней куртка из питона, отделанная хрустальной лисой. Самый красивый сорт лисы — хрустальный.

У остальных стен кронштейны с одеждой. Коллекция французского кутюрье Тьерри Мюглера — мужские костюмы по 10 миллионов. Шикарные, изготовленные в одном экземпляре.

Девушки в лицеванных жакетках,
Юноши с лопатами в руках —
На площадках первой пятилетки...

Ушли, растаяли в туманной дали...

Есть мужская коллекция японского кутюрье (это значит, модельера) Мезатомо. Ему платят заранее за год вперед. Тоже все в единственном экземпляре. Очень молодой, знаменитый, очень модный.

От кутюрье Житруа — кожаные куртки, брюки, юбки, платья кожаные и замшевые. Кожаные дубленки мужские от Серафина. Еще много всего...

Иному покупателю приятно потом сознавать, что его костюм от Мюглера, а куртка от Житруа: чувство значимости, тайное самодовольство от своей причастности к всевозможным знаменитым именам. Увы, сказано в Евангелии: “Возвышающий себя сам, унижен будет”. Как трудно быть простым и скромным. Слаб человек.

Справа от двери — бордовые шторы примерочной. В углу слева — сейф у стены и на столе новый кассовый аппарат. Возле кассы в черном кожаном кресле — Катюша. На ней “блузка-пиджак” от Джанни Версаче. Словно черный шерстяной корсет, облегающий тонкую фигурку. Манжеты и воротничок белые, плечи и рукава из черного шифона, золотые пуговицы с “камушками”. Черные брюки, черные туфли на высоченных каблучках. Здесь нет общей формы, все ходят в собственных туалетах, но два дня подряд в одном и том же — не принято.

Директор магазина, дама элегантная, опытная, с крепкой деловой хваткой, всем говорит: “Я Кате верю, как самой себе”. Ей нравится изящество, сдержанная воспитанность Катюши. Уволила ее предшественницу, работающую и честную деваху, лишь потому, что та говорила покупательнице, делая примерку: “Повернитесь задом”. Или, если дама поворачивалась: “Мне что-то не нравится в заде”. С точки зрения директора это как-то не вписывалось в общую атмосферу магазина. А у Кати личико простенькое, но ее нигде не стыдно показать: толковая, грамотная девочка. И не рохля! Себе цену знает.

Катюша тут совмещает несколько должностей: не просто кассирша и продавщица, но еще и “менеджер”. Поэтому зарплата в месяц — 400 долларов. Но забот и волнений много, она тут лицо материально ответственное. Еще могут быть неприятности... Надо выстоять.

Сегодня пришла коллекция из Парижа. Распаковывала ящики, составляла накладные. Приходится также вести кассовую книгу, делать примерки, принимать деньги у покупателей. Все это в темпе, четко, безошибочно. Каждый вечер надо фиксировать сумму выручки. С утра было, скажем, 937 миллионов, к вечеру набежало 980.

Для надежности она ставит перед дверью бутика особые “ворота” и на каждую вещь, чтобы не украли, — незаметный “баджик”, пластмассовый кружочек. Если вещь выносят через такие ворота, “баджик” звенит.

Заходят покупатели, с молчаливой тоской глядят на товары, с горечью сознавая свою несостоятельность. Бойкая тетка в потертом осеннем пальто завистливым взглядом охватывает Катюшин туалет и роскошную одежду на кронштейнах. Потом бежит к витрине, где красуется бронзовый кавалер и дама с хрустальной лисой. Тетка истошно орет: “Костюмчик 90

миллионов! Да что это такое! Я получаю 300 тысяч!” Другие спокойно воспринимают цены.

Известный эстрадный артист купил пиджак с круглыми латками на рукавах и еще один — голубой. Совсем недавно он приобрел красный пиджак и кружевную рубашку.

Потом пышная дама купила платье из люрекса. Здесь платье любого цвета, из любых материалов! Сейчас в моде атлас, бархат, парча и, конечно, люрексу (он, как мишура, — золотистый, серебряный).

* * *

Диоген, древнегреческий мудрец, утверждал за несколько веков до нашей эры: “Я богат, потому что мне ничего не надо”. Пережил он когда-нибудь комплекс неполноценности, от которого рукой подать до “комплекса превосходства”? Кто их знает, этих мудрецов.

* * *

Вечером она укладывает Ленку спать. Выкупала ее, накормила ужином. Еще надо починить и выстирать ее платье, чулочки. Впереди одинокая, холодная, осенняя ночь. Скоро декабрь.

Еще смутно теплится в душе надежда... Придет Он, тот единственный, способный понять, оценить ее заботы и умение создавать вокруг красоту, ее изящную внешность, нестандартное творческое восприятие жизни. Купит костюм из кожи питона? Да не обязательно.

Придет. И, увидев Катюшу за столиком кассы, все сразу поймет; “Она! Единственная!”

Под окном в сгустившейся холодной, сырой тьме раздается пьяный вопль. Невменяемый, страшный, словно предсмертный: “Люди! Родные! Она меня не пускает. Я так ее люблю!”

В декабре Катюша купила путевку, летит с Ленкой в Арабские Эмираты на 8 дней. Остается неделя. И вдруг утром, перед тем как вести ребенка в садик, она кинулась звонить наркологу. (Что же это! Я буду жить

припеваючи, а он где-нибудь замерзнет на улице.) За три дня вылечила! 400 долларов это стоило, вся ее зарплата за последний месяц. Отвезла к родственнице, согласившейся его приютить. Там сказала ему, прощаясь у дверей: “Тебе снова подарили жизнь. Все теперь от тебя зависит. Борись, действуй!” (Еще недавно эта родственница, Валеркина двоюродная сестра, считала его безнадежным).

Они были в коридоре одни. Он почти прежний — небольшой, белобрысый, с той же бесшабашной удалью во взоре. Но какой-то помятый. И какие-то умоляющие, неуверенные нотки: “Ну скажи, ты меня любишь хоть немножко?” “Нет! — сказала она печально и решительно. — Я же еду за арабским принцем!” И ушла навсегда.

Он теперь с помощью родственницы сам стремится разменять свою квартиру, где пьянствует первая жена. И работу подыскивает!

Какое счастье спасти казавшегося безнадежным человека. Теперь со спокойной душой можно лететь в Арабские Эмираты.

Помогать страдающим. В этом цель и смысл.

За окном была зима. Утром все покрыто мягким, чистым снегом. Деревья в серебре, на голых ветвях уже сверху тонкое белое обрамление.

На полянке за домом угасает, почти уже угас брошенный кем-то костер. Дым, прежде чем уйти вверх, сначала относится ветром в сторону и, рассеиваясь, кажется бледным, прозрачным газовым покрывалом, которое слегка трепещет на фоне густой снежной белизны.

Запах снега. Ощущение ничем не омраченной чистоты вокруг, люди ее постепенно затопчут, многострадальные и жестокие.

Неизвестно, что будет потом. Не получила настоящего образования, нет прочной почвы под ногами... Но рвется душа к большим переменам. Так жаждет начать новую жизнь!

Декабрь 1997 г.

Часть третья

Обретение смысла жизни

1.

Когда-то родственница Валеры, согласившаяся его приютить, сказала в ответ на просьбу Катюши взять доверенность на размен его квартиры, где он прописан. — Я думаю, он обречен. Подождем, пока он умрет.

Но Катюша его вылечила. И вот он уже метрдотель в шикарном ресторане. Белобрысый, небольшой, с бесшабашной удалью во взоре. Пить совсем перестал и после возвращения Катюши из Арабских Эмиратов явился с цветами и дорогими подарками.

С тех пор он часто приходил. Опять с дорогими подарками, угощением. Куда девался прежний Валера? Катюша его не узнавала: относился он к ней теперь так уважительно, так бережно. Такой восторг и нежность сияли в его удалом взгляде, преданно устремленном на нее.

Как-то раз он пришел с очередными подарками, когда Ленка была на дне рождения у подруги. Он вдруг обнял Катюшу, нежно поцеловал. — Я тебя люблю! Больше всего на свете. Мне никто больше не нужен, только ты.

Что-то теплое шевельнулось в ее душе. Не любовь, нет, но какая-нежность, благодарность за его любовь. Он поднял ее на руки. Уважительно, бережно, словно королеву, отнес на диван.

— Я всю жизнь буду служить тебе! Буду жить для тебя! — говорил он тихо, словно в бреду.

С этого дня он вернулся. Жили дружно. Валера теперь слушался ее во всем, безропотно исполнял поручения. Раз только заупрямился, когда она попросила его сходить к бывшей жене, договориться о разделе его квартиры. (15-летняя дочь жила у подруги, сбежала от вечно пьяной мамы).

Уступил, наконец, но хотел взять с собой Лену. Катюша ее не пустила: нечего тащить ребенка в притон. Валера отправился один.

2.

За столом в квартире бывшей жены сидели ее собутыльники, парни с красными недобрыми физиономиями, огромный верзила и другой поменьше, растрепанные, обшарпанные. Пили водку, закусывая соленым огурцом. Бывшая жена привела их случайно с чердака своего дома, где часто собирались любители выпить и она в том числе. Пили, орали песни.

«Неверная, лукавая,
Коварная — пляши!
И будь навек отравою
Растраченной души...»

Это Блок, талантливый поэт. А она действительно поплясала. И пошла продлить дома выпивку. За ней увязались двое парней. Черноволосая, черноглазая, слегка похожая на цыганку, она уже почти утратила прежнее лихое очарование, но еще гуляла напропалую.

При ее энергии, активности, отваге она многое смогла бы совершить, если бы вовремя обрела высокие нравственные ориентиры. Но не довелось. И сколько таких несостоявшихся судеб!

Когда бывшая жена открыла входную дверь, Валера сразу ощутил исходивший от нее запах алкоголя. И вокруг все пропахло алкоголем. Он отозвал ее в другую комнату, пытался затеять с ней переговоры, потом, не выдержав, стал угрожать.

— Это мама получила квартиру. Вкальвала на вредном производстве! Ты присвоила! Я тебя выброшу отсюда!

Он давно на нее злился, ведь он тоже тут прописан! В ответ она выругалась матом, подняла крик, позвала собутыльников «проучить нахала».

— Во ферт какой! — сказал меньший из них, глядя с презрением на белое нарядное пальто гостя, на его белую кожаную кепку. А красномордый свирепый верзила вмиг размахнулся и без лишних предисловий стукнул Валеру по голове! Не на того напал! В ответ Валера стукнул его тут же ребром ладони по раскрасневшейся воспаленной морде. Разгорелась бешеная драка (Маленький, белобрысый, нарядный, он показался им ненавистным обитателем тех благопристойных сфер, куда они, два жалких бомжа, не имели доступа.)

В порыве пьяного неистовства собутыльники так разъярились, словно в этот момент в упоении, отчаянно сводили счеты со всей своей нелепой, нищей, жестокой жизнью, со всеми обидами, побоями, унижениями, какие им достались на недолгом их веку. Свирепо отбивавшегося Валеру страшно молотили по голове, громко матерясь, пока он не свалился без сознания.

Как ни пьяны были собутыльники, но они, шатаясь, все же удрали,

оставив даму одну расхлебывать последствия. Когда за ними с шумом захлопнулась входная дверь, бывшая жена прибежала из кухни. Она там пила пиво для «опохмелки», пока шла драка.

Валера на полу, неподвижный, весь в кровоподтеках, ссадинах. Что было делать? Она вызвала «скорую». Вслед за «скорой» явилась милиция. Установили, что раненый, лежавший на полу, умер, а женщина пьяна.

Потом был суд, бывшую жену Валеры приговорили к тюремному заключению, хоть она и ссылалась на собутыльников, чьих имен и местонахождения она, оказывается, не знала. Их так и не нашли. Да и не особенно, кажется, и искали.

Еще много невинных голов они прошибут, прежде чем попадут за решетку, окончательно озлобленные и бесконечно несчастные.

3.

Катюша была потрясена. Особенно тем, что он ведь не хотел идти, а она заставила! Хотела отвоевать половину квартиры.

— Я виновата! Я его толкнула на это!

Она смотрела на его фотографию, плакала и теперь, кажется, впервые любила его, лихого сокола!

К счастью мама, пенсионерка, продала на Украине свою квартиру, дачу и вскоре приехала в Москву (Муж умер. Сын живет в Киеве, а у него жена, дети) Душу согревает ее приезд! С помощью Катюши она здесь купила однокомнатную квартиру и забрала к себе Ленку: растит, воспитывает. Девочка прекрасно учится, хорошенькая, нарядная, бойкая.

Катюша долго не могла придти в себя. Ездила часто на кладбище, плакала над его могилой. Но надо, надо взять себя в руки, перестроиться. Она по-прежнему в валютном магазине. Деловая, практичная. Расслабляться нельзя.

Желающие поближе познакомиться всегда были и есть, да все какие-то «не те». Не попасть бы в чьи-нибудь недобрые руки.

Прошел год. У Катюши уже новый поклонник, Володя. Высокий блондин, спортивный, широкоплечий. Лицо суровое и мужественное. Похож на

своего отца. Родители оба умерли. Отец в прошлом был мастером на заводе, мать работала у станка. Люди простые, но строгих правил, трудолюбивые, честные, они и сына таким воспитали. Талантливый конструктор на предприятии, выпускающем космическую технику. Его жена, актриса, крепко выпивала, вызвав этим к себе отвращение, он с ней разошелся, жил теперь один, разменял квартиру на две однокомнатные.

Познакомились они с Катюшей случайно несколько месяцев назад в кинотеатре. Его буквально притянули ее милое простенькое личико и прелестная гибкая фигурка. Одета модно и красиво, без вычурных претенциозных выкрутасов, благородно. Он смог это оценить.

Катюша уже много лет занимается по утрам гимнастикой, ездит зимой на коньках, не ужинает после семи вечера. Может быть, это способствует ее стройности, легкости?

Поклонник ей нравился: порядочный, сильный. Настоящий мужчина. С ним становилось теплей, светлей. Но она еще внутренне как-то сопротивлялась. Это, кажется, еще не та беспредельная, единственная на свете любовь, какую она смутно ждала всю жизнь. Новый поклонник был похож на того, «единственного» из мечты. Но может быть, настрадавшись в прошлом, она просто стала недоверчивей.

Валютный магазин закрылся. Она теперь уже работает в огромной компании по уборке кинотеатров. Исполнительный директор. В ее ведении контроль качества работ, договора, акты. Кинотеатры частные, 42 «объекта проверки». В каждом свои бригады. Наводят чистоту, красоту, покрывают лаком полы. Среди уборщиков и уборщиц многие с высшим образованием. Есть даже нейрохирург из Молдавии, где зарплата у врачей крайне низкая. Много еще приезжих из разных мест. Работают 12 часов в сутки за 300 рублей.

Бывшая сослуживица, внезапно получив наследство, сумела организовать эту компанию и пригласила сюда Катюшу.

Летели месяцы, годы... Как-то случайно она увидела объявление: в воскресенье в районной библиотеке состоится чтение заповедей — нравственных основ жизни. Слушатели смогут задавать вопросы. И Катюша пришла в назначенное время.

4.

В одной из комнат библиотеки за столом сидела худенькая женщина средних лет с приятным спокойным лицом, с длинными светлыми волосами, в темной юбке и скромной шерстяной кофточке — Мария Николаевна Звягинцева.

Мария Николаевна была в какой-то редакции корректором. В свободное от службы время она, кроме чтения в библиотеках заповедей, помогала иногда в больнице тяжелым лежачим пациентам. Совершенно бесплатно, поскольку убеждена была, что «вера без дел мертва». Ее это укрепляло нравственно. Еще она ходила зимой купаться в прорубь и таким образом укрепляла себя физически. Маленькая, тихая женщина с добрым приветливым взглядом огромных серых глаз.

Теперь она сидела у стены за длинным столом, перед которым три ряда стульев были заняты слушателями. Открыв небольшую брошюрку, она сказала: — Заповеди — основы поведения и отношений. Их надо терпеливо внедрять в массовое сознание. Первые основы морали появились еще до Христа, но затем сохранились в Евангелии наряду с последующими христианскими основами поведения и отношений.

Катюша, присев к столу сбоку, слушала внимательно. Сначала были прочитаны древнейшие десять Божьих заповедей. Они были сформулированы вполне современным языком и очень понятно.

«Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим».

После заповеди такие же краткие и понятные комментарии: «Бог один для всего человечества. Разными бывают лишь религии. Возлюби Господа Бога твоего всей душой».

Мария Николаевна затем перед следующей заповедью (о кумирах) напомнила, что в глубокой древности было «многобожие», дикие люди создавали из дерева или камня языческих идолов, божков, которым поклонялись. Кумир — это объект восхищения, преклонения.

И вот вторая заповедь: «Не создавай себе кумира». И короткие, понятные комментарии: «Не обожествляй людей: вождей, полководцев, знаменитостей, только Богу поклоняйся. Для современного человека это также

может означать: да не будут кумирами твоими деньги, власть, высокие ступени социальной лестницы».

— Деньги — средство, а не смысл жизни и не главная ее цель, — тихо сказала Мария Николаевна.

Катюша слушала с интересом. До сих пор у нее были те же кумиры: знаменитости, деньги, власть. Она словно высвобождалась из плена: конечно, что-то есть более важное, чем эти неизменные кумиры.

«Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно». И комментарии: «Имя Бога — высокая святыня, которую не надо смешивать с бытовой повседневностью, использовать ради своей материальной выгоды».

Ох, действительно, — подумала Катюша. — Говорят иногда: «Бог с ним, с этим бараклом, оно не нужно» и т.п. Зачем тут упоминать Бога!

А Мария Николаевна еще добавила: — Одно дело — обращение к Богу с мольбой о спасении от болезней, горя, о помощи в труде на пользу людям и совсем другое — просьба о мелких житейских выгодах, о материальном богатстве, тем более о помощи в делах недобрых, недостойных.

Несколько человек равнодушно встали и ушли один за другим. Надоели им, видимо, поучения. Но постепенно в ходе чтения подошли другие и заняли их места. А некоторые из пришедших позднее даже слушали стоя.

5.

Чтение продолжалось. «Шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — Господу Богу твоему». И комментарии: «День седьмой» у христиан — воскресенье, у мусульман — пятница, у иудеев — суббота. Но посещение храма, молитва, чтение Библии, повторение заповедей и главное — помощь страдающим, вероятно, угодны Богу в любой день и час».

— Да, конечно, — мысленно согласилась Катюша. — Главное — суть, а не формальности и догмы. Иногда люди ухитряются все обряды выполнять, а на деле поступать недостойно.

«Чти отца и мать». Затем краткие комментарии. Постарайся понять родителей, их уровень развития, обстоятельства. Прощай их недостатки».

Катюша не раз слышала, что взрослые дети отдают иногда в дом престарелых или в психушку пожилую мать. Или ругают, не хотят помогать, унижают. Ленка с ней никогда так не поступит. Девочка бойкая, но добрая, всегда готова помочь.

«Не убивай», — между тем уже читала Мария Николаевна. — «Эта заповедь будет вполне исполнима через много лет в результате долгого совершенствования людей и общества».

Тут она еще много пояснений прочла. «Не все заповеди вполне осуществимы уже сегодня. Пока приходится ограничить исполнение некоторых из них, это человеческая самозащита. Хотя даже убийцы не всегда людоеды и волки. Подчас это просто обманутые люди, лишенные настоящих ориентиров. Если люди, которых сделали опасными воспитание и условия жизни, нападают, калечат и мучают других, приходится с ними бороться, вплоть до их уничтожения, чтобы защитить остальных. Но если с детства людей воспитывать иначе и по-настоящему им помогать, они все будут гораздо счастливей и милосердней».

На земле идеал недостижим, но сознательное, последовательное приближение к нему все заметней улучало бы условия жизни на каждом этапе развития общества».

«Не прелюбодействуй». И комментарии: проявляй скромность и постоянство. Постарайся выбрать для себя единственную (единственного) на всю жизнь. Это должен быть для тебя человек милый, близкий, любимый, любящий».

Иметь одного постоянного друга, который тебе нравится, не изменять ему, заботиться о нем, это вряд ли можно назвать прелюбодеянием, — подумала Катюша. — Сейчас многие не оформляют брак, чтобы не создавать новых проблем.

«Не кради». «Не стремись присвоить чужое силой или обманом».

— Что нужно для постепенного создания условий, исключающих все формы присвоения чужого имущества, в том числе, конечно, государственного? — продолжала Мария Николаевна. — Вероятно, этому способствовал бы весь

комплекс заповедей, постепенно внедряемых в сознание и в жизнь и обеспечение хотя бы прожиточного минимума для всех граждан.

«Не лжесвидетельствуй». «И вообще не лги».

А иногда лгут, чтобы не обидеть человека, избавить его от лишнего беспокойства, конфликтов. Но, может быть, это и не ложь, а что-то вроде «умолчания», — подумала Катюша.

«Не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего. Не завидуй и не желай чужого». И вполне современные комментарии: «Зависть сеет ненависть, вражду. Создай новую «моду» — на скромность, хороший вкус. Хотя бы на некоторое самоограничение».

6.

Потом было несколько заповедей Блаженства из Нагорной проповеди Иисуса Христа.

«Блаженны скромные, кроткие». «Блаженны милостивые».

Среди других Заповедей Блаженства была и такая: «Да светит свет ваш перед людьми». И комментарии: «Постарайтесь сделать жизнь окружающих светлей, приносить пользу людям». Катюша потом ее вспоминала. Она не особенно сближается с людьми: ведь многие стремятся тебя использовать в своих интересах, а когда ты им не нужен, знать не хотят, исчезают из твоей жизни. Неизвестно, как человек себя поведет в новых обстоятельствах.

Значит, надо все равно всем помогать? Видимо, да. Но наверное все-таки по возможности. И в том случае, когда человек действительно в тяжелом положении. А то ведь иной считает себя страдальцем, если не все его желания в жизни исполняются. Но все-таки делать жизнь всех окружающих светлей, хотя бы по возможности, надо, — решила в дальнейшем Катюша.

А Мария Николаевна уже стала читать следующий раздел брошюры: «Некоторые заповеди из Нагорной проповеди Иисуса Христа».

«Не гневайся на ближнего напрасно». Комментарии: «Постарайся

понять каждого человека, его достоинства, недостатки, а также их причины. По возможности мирись с врагом». В сущности Валера стал несчастной жертвой гнева каких-то собутыльников его бывшей жены. А сам он как гневался в прошлом на Катюшу! Как издевался над ней! Мог себе это позволить, когда она была в зависимости от него! Она давно ему все простила, но тогда и она, конечно, гневалась.

«Не клянись». Комментарий: «Не давай обещаний, выполнение которых может затем оказаться невозможным, ненужным или даже вредным».

Т.е., видимо, обещай осторожно. Не вводи людей в заблуждение, — подумала Катюша.

«Возлюби ближнего своего, как себя самого».

— Какая там любовь! — не выдержав, рявкнула вдруг пожилая, с измученным видом тетка, сидевшая недалеко от Катюши. — Теперь каждый человек — волк!

— Почему «теперь»? — возразила строго другая. — Всегда были волки... И овцы.

«Эта заповедь будет вполне исполнима, — читала между тем комментарии Мария Николаевна, — когда люди больше очеловечатся и усовершенствуются, — т.е. в обществе людей, не знающих нынешней лютой борьбы за блага, не знающих многих мучительных современных болезней и унижений. Помогай, постарайся приносить пользу людям, чтобы постепенно приближалась возможность всеобщей любви».

— Когда это будет? — сердито пробормотала измученная тетка. — Раньше сожрем друг друга!

— И это не исключено, — признал ее сосед, молодой человек с приятным лицом, хорошо и модно одетый. — Но оттого и нужны для всех эти правила.

Еще много важных заповедей из Нагорной проповеди прочла Мария Николаевна и потом велела всем прийти через неделю слушать продолжение. Молодой человек ее поблагодарил от имени всех присутствующих.

7.

А есть ли Бог? — думала потом Катюша, возвращаясь домой — Кто может знать. Отчего Он допускает на земле такие страдания, муки, злобу? Может быть, все это оттого, что в страданиях люди совершенствуются, обретают понимание? Она где-то об этом, кажется, читала. А если нет Бога и все позволено? Тогда жить не хочется? А откуда эти мудрые, светлые заповеди? Люди сами их придумали и приписали несуществующему Богу? Вряд ли. Не смогли бы так люди придумать тысячелетия назад без вдохновения свыше, без помощи...

Вдруг существуют лишь блага, собственная выгода и лишь порой просто жалость к страдающим? «Добрый и злым дается время вполне проявить себя до той поры, когда подводятся окончательные итоги». Так ли это на самом деле? О если бы узнать наверное!

У Льва Толстого в романе «Воскресение» Катюша Маслова под влиянием жестокой несправедливости возлюбленного «перестала верить в Бога и в добро». Вдруг добро — это и есть Бог! Т.е. это просто — стремление к справедливости, всеобщему счастью? Как узнать? Как понять?

А вот известный физик Андрей Сахаров сказал: «Кто-то есть за пределами нашего материального мира». Наверное так! В это верилось, хотелось надеяться на неведомую Высшую Силу, умолять о помощи и прощении.

Физик что-то, видимо, способен понимать в устройстве Вселенной. Бог в душе? Нет, Он где-то за пределами нашего материального мира». А душа должна быть обращена к Нему.

— Видимо, эти заповеди и есть то, что Ему угодно, — решила наконец Катюша. — Мы еще не в силах всегда полностью их исполнять. Но постепенно, в меру действительной возможности, вероятно, можем научиться.

Через неделю она снова пришла в библиотеку. Мария Николаевна теперь стала читать притчи из Нагорной проповеди Иисуса Христа.

— Вы знаете, что такое притчи? — спросила она и тут же сама ответила: — Это поучение, короткий рассказ. Я вам их прочту в совсем кратком и простом изложении. Это в сущности тоже заповеди.

Катюша потом вспоминала одну из них: «Постарайся приумножить, развить имеющиеся возможности». И комментарии: «Развивай и применяй свои способности в направлении, угодном Богу, не зарывай в землю талант». У каждого есть к чему-нибудь способности. Ей лучше всего всегда удавалось создавать вокруг себя красоту. Сервировать стол, «ужин при свечах», ремонт квартиры... Сама сшила себе нарядный модный плащ. Ей, пожалуй, подходит и нынешняя работа. Она предприимчива, подвижна, практична. Во всяком случае то, чем она занимается, ей не чуждо, не противопоказано. Как важно заниматься «своим делом», тем, которое по душе, соответствует внутренним природным склонностям. Но как помогать людям, окружающим ее на работе, особенно тем, кто несчастлив, страдает?

Новый поклонник теперь живет у нее. Привез с собой и шкаф с технической литературой. Любит свою работу, иногда и в свободное время подолгу сидит над чертежами. Сдает свою однокомнатную, а деньги отдает Катюше. И половину зарплаты отдает. Он щедрый, внимательный. Она о нем заботится, готовит после работы замечательно вкусные блюда. Для нее это не тяжело, ей это нравится. Он водит свою иномарку, она свою, оставшуюся после Валеры. Сколько бы ни было у Катюши дел, у нее всегда хватает энергии наводить в квартире чистоту, красоту. Сделали недавно евроремонт. И при всей своей огромной занятости она всегда нарядная и прелестная.

Володя с ней счастлив. Он ею подчас любит. Обнимает, целует в безумном, безудержном восторге... Она кажется ему самой прелестной, той единственной, что создана именно для него.

Тут могли бы прийти на память стихи:

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе — ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...

— Писал когда-то восторженный Александр Блок.

Нет, Катюша ни о чем таком вовсе не мечтает. Ни «умирать в объятьях», ни «увидать блаженные края» или, как у Чехова, «небо в алмазах» не

стремится, трезво смотрит на мир. Но она теперь в сущности вполне довольна своей жизнью.

8.

Мария Николаевна живет одна в однокомнатной квартире. Замужем не была. У нее есть близкий друг Александр Иванович, скромный бухгалтер какого-то РЭУ. Невысокого роста, с виду простоватый, невзрачный. Тоже имеет однокомнатную квартиру. Давно его покинула жена. Забрав пятилетнюю дочь, сбежала к другому, потом с этим, другим, уехала в Германию.

Александр Иванович навещает Марию Николаевну, и она к нему привыкла, даже как-то привязалась: он ей скрашивает одиночество. Человек он тихий, малоэнергичный, но вполне безобидный. Не стремится жить вместе с Марией Николаевной. Ему не нужна хозяйка, обедает в столовой на работе, покупает в соседнем магазине кое-какую еду, белье сдает в прачечную. Квартиру убирает дворничиха раз в две недели (чаще видеть ее для него утомительно). Марию Николаевну все это вполне устраивает. Она также обедает в столовой на работе и отдает в прачечную белье. Бытовую возню терпеть не может, всячески ее избегает. Квартиру приходит убирать соседка тоже раз в две недели.

В выходные дни они едят что-нибудь всухомятку и, конечно, все дни по утрам и вечерам. Такое облегчение — ничего не варить! Как люди этого не понимают.

На очень скромную жизнь зарплаты почти хватает. Александра Ивановича вполне устраивает, что Мария Николаевна не просит денег и не требует особого к себе внимания. Он к ней искренне привязан, очень привык. Иногда в свободное время Александр Иванович вместе с ней ходит в больницу помогать лежачим. Это дает ему, человеку в общем-то примитивному, незаметному приятное ощущение своей значимости. В прорубь пока не решается.

Так и живут. Не мешают друг другу. Им нравится эта тихая, свободная от семейных уз, независимая жизнь. Мария Николаевна верит, что они сблизились навсегда и что это не прелюбодеяние, а своеобразный вариант неформального брака. Тот вариант, который им больше всего подходит. Они

почти счастливы.

Мария Николаевна старается по возможности исполнять заповеди и в то же время ей каким-то образом удается жить, как нравится, как свойственно ей от природы — не заводить семью, не заниматься бытом.

В человеке иногда есть глубоко запрятанные свойства, о которых окружающие не подозревают. Кто бы мог подумать, что и в Марии Николаевне и в Александре Ивановиче есть что-то обломовское, где-то в глубине души — лень какая-то, инертность. Они почти весь день заняты, но по возможности избегают того, что им не свойственно (У Обломова из романа Гончарова просто были другие условия, при которых он мог в полной мере себя проявить.)

9.

Катюше никогда в голову не приходил вопрос, какую пользу приносит ее работа, лишь после знакомства с заповедями он стал все чаще возникать. Валютный ресторан, валютный магазин... Ей-то от них — деньги на жизнь. Богатым посетителям какое-никакое развлечение, удовольствие. А простым, рядовым людям? Что им какой-нибудь недоступный для них ночной клуб со стриптизом, где у кого-то улетают впустую пачки долларов. И какое тут воспитание, развитие людей? Для чего она работала всю жизнь? Только для себя, для заработка. Уборка кинотеатров — дело, конечно, нужное. Но еще вопрос, какие там фильмы, как они воздействуют на публику, воспитывают или разлагают.

«Среди всех приведенных основ человеческого поведения и отношений, — читала Мария Николаевна, — есть более доступные современному человеку и менее доступные, т.е. вполне исполнимые лишь в отдаленном будущем. В соответствии со всеми заповедями надо строить постепенно человеческую душу и условия жизни. Но попробуем отобрать из всех, здесь представленных, некоторые более «современные», т.е. более доступные нынешнему человеку заповеди».

И Мария Николаевна стала читать последний раздел, в нем снова упоминались некоторые основы жизни, особенно сейчас актуальные. О том, что

не надо создавать кумиров, лгать, завидовать, желать чужого, что надо стараться сделать жизнь светлей, приносить пользу людям.

«Пусть будут в почете все, кто своим трудом приносит конкретную пользу людям», — читала следующую заповедь Мария Николаевна. И комментарии к ней: «Независимо от профессии, должности, образования каждый, действительно работающий на пользу людям, пусть получает достойное вознаграждение, моральное и материальное, пусть не будет очень резких различий в материальном положении людей».

— Только так можно по-настоящему улучшить отношения людей! — подумала Катюша. — Но как это организовать?

10.

И последние, такие важные для всех заповеди.

«Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Комментарии: «Прощайте их. Относитесь бережно к чужой жизни, достоинству, интересам».

Это, конечно, не значит, что человек может сесть тебе на голову, как угодно использовать. Просто надо относиться бережно друг к другу.

«Пусть будет слово ваше: да-да, нет-нет, а что сверх того, то от лукавого». Комментарии: «Говори прямо, просто и по существу, без пустословия и демагогии. Демагогия — это умышленное искажение фактов, лживые обещания, угодничество и т.д.»

Это надо учесть, — подумала Катюша. — Сколько пустой болтовни на свете, ненужной, бесполезной, вредной.

«Просите, и дано будет, ищите и найдете, стучите и отворят вам». Комментарии очень важные: «Искренняя, неотступная молитва доходит до Бога. Расскажи в ней, хотя бы мысленно, про твои заботы, горести, про твои ошибки, грехи. Это поможет обрести надежду и утешение, ты не будешь больше одиноким». Какое счастье, когда Бог всегда с тобой! И как это обязывает!

«Всякий, возвышающий себя сам, унижен будет». И комментарий: Лишенный скромности и чувства меры легко приобретает недоброжелателей и вскоре оказывается в обстановке вражды и откровенного или тайного противодействия».

Поменьше претензий, «выпендрежа», самодовольства! Трудно это, но необходимо, — мелькнула у Катюши мысль.

«Необходимо взвешивать свои силы». «Каждый должен в меру своих сил определять свои пути и задачи».

Надо, видимо, учитывать, что тебе действительно под силу, а что свыше сил. Это избавит от многих мучений.

И еще были: «Правила для детей дошкольного и младшего школьного возраста».

1. «Не сердись на ближнего. Постарайся его понять. Мирись, если это возможно».

2. «Не лги».

3. «Не кради».

4. «Не завидуй».

5. «Будь скромным, трудолюбивым, добрым».

6. «Как хочешь, чтобы с тобой поступали люди, так поступай и ты с ними. Не вреди человеку, не обижай его».

7. «Постарайся сделать жизнь окружающих лучше, приносить им пользу».

Правила для детей, но вполне годятся и для взрослых, подумала Катюша. — С ними надо будет познакомить Ленку, чтобы она сознательно

исполняла то, что, может быть, уже в какой-то мере знает инстинктивно.

11.

А в заключение Мария Николаевна сказала:

— Дорогие мои! В чем же главная задача всего общества?

И она прочла краткое изложение этой задачи: «Постепенно и медленно в ходе борьбы противоречий надо создавать материальное и духовное благополучие всего населения России и остального мира (Иначе людей ждет гибель в какой-нибудь атомной войне, при которой немногие погибают сразу, остальные долго и мучительно.)

Материальному и духовному благополучию весьма бы способствовало внедрение в массовое сознание нравственных ориентиров. Хотелось бы, чтобы этот краткий перечень заповедей, создававшихся в течение тысячелетий, как-то пригодился для совершенствования людей и общества.

Права и свободы основных проблем не решают при отсутствии нравственности. Права и свободы в сочетании с нравственностью — великое счастье. Всемирное, главное дело — внедрение в массовое сознание светлых истин — основы нравственности.

Может быть, страдания в мире происходит главным образом от нарушения заповедей, а путь к уничтожению страдания — в их исполнении, в постоянном внедрении в массовое сознание этих ясных нравственных ориентиров. Тогда могут постепенно установиться между людьми нормальные дружественные отношения и в результате — более справедливые и счастливые условия жизни».

Это было бы здорово! — подумала Катюша. — Создавать условия для коренных перемен в масштабе всего государства или даже всего мира. Это всем было бы на пользу. Совершенствование человека и человеческих отношений! Создания максимально благоприятных для этого условий! Может быть, при этом не повторится то, что случилось не раз и отражено (по другому поводу) в известном стихотворении Блока:

«Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута...»

А Мария Николаевна вынула из сумки пачку брошюр, купленных ею в книжном ларьке, и раздала присутствующим. Там были те же заповеди, комментарии, пояснения, которые она вслух читала.

Уходя, все тепло прощались, благодарили.

12.

С деревьев слетают, медленно кружась, желтые листья. Но еще сохраняется на ветвях великолепный, желто-зеленый, багряный, золотой убор. И земля покрыта золотым ковром. Осень. Катюша, возвращаясь домой, думала о смысле своей жизни.

Она все та же. Среднего роста, стройная, в черных брюках и нарядной осенней куртке. То же милое, простенькое личико без всякой косметики. Темно-

русые волосы, модная стрижка, длинная, до бровей, красиво подстриженная челка... И по-прежнему с веселым интересом устремлен на жизнь ее трезвый, бесстрашный взгляд.

Как бы Катюша ни уставала на работе, она постоянно занята украшением быта. И при этой всегда ее душа рвется к большим переменам, жаждет начать что-то новое.

Современные книги читать не хотелось. Казалось, в большинстве из них слишком много неприличия, мелкой суеты. Она их и не читала. Как говорил один персонаж: «Хочется чего-то высокого, важного, а «бытовуха», она у меня в каждом подъезде».

«Помощь страдающим — это помощь самому Богу», все чаще теперь вспоминалась важная заповедь. Катюша иногда подает милостыню, иногда что-то кому-то одалживает (Отдают далеко не всегда.) Но это не то, не то. Единичные случаи. А что делать?

Недавно у одной уборщицы, девочки-молдаванки, мать была при смерти, срочно требовалась операция. Как плакала девочка-молдаванка, одинокая, потерянная в огромной чужой Москве. Катюша ей помогла найти хорошую больницу, безвозмездно дала ей свои 15 тысяч рублей. А перед этим собственную маму лечила и вылечила, потратив 45 тысяч. Нашла нужных врачей, редкие лекарства, дежурила возле нее в больнице. И Ленка дежурила.

Еще надо помнить всегда: «Возвышающий себя сам унижен будет». Как обрести настоящую скромность? Иногда люди помогают окружающим, но это в сущности, наряду с искренним сочувствием, вызвано и неосознанным порой стремлением ощутить свою значимость, покрасоваться (Уже не говоря о каких-

нибудь корыстных расчетах.) Теперь Катюша твердо решила: никогда, делая что-нибудь доброе или нужное людям, не стремиться себя возвысить! Никогда.

Может быть, многие заповеди были и раньше в ее душе, но теперь она могла их сознательно формулировать и решать, какие из них пока возможно исполнять лишь в определенной мере, а какие уже теперь вполне исполнимы, даже при нынешнем уровне массового сознания.

У человека должна быть безграничная скромность, а также понимание смысла жизни — нравственных заповедей, стремление исполнять их на деле, по возможности постоянно и незаметно приносить людям пользу. Вероятно, это значит: поступать так, как угодно Богу, Милосердному и Всемогущему. Это в сущности главное, к чему она пришла за 37 лет своей жизни.

Катюша еще перечитает эти заповеди. И не раз. Она теперь каждый день обращается к Богу. Просит о помощи, о прощении. Что-то новое, светлое зреет в душе.

— Господи, спаси, — повторяет она мысленно. — Прости за все.

Москва

Декабрь 2009 г.